

Безымянная

Автор:

Эдриенн Янг

Безымянная

Эдриенн Янг

Young Adult. Фейбл. История наследницы моряФейбл #2

Корабль «Мэриголд» отправился в свободное плавание по волнам, а Фейбл и команде выпал шанс начать все сначала. Но море хранит страшные тайны, а Фейбл оказывается пешкой в опасной игре. Девушка становится пленницей Золы – заклятого врага своего отца на корабле «Луна». Чтобы вернуться домой, ныряльщица должна поднять с морского дна множество драгоценных камней. Команда держит путь по направлению к Бастиану – великому городу в Безымянном море. Именно там девушка узнает о редчайшем камне, который видели всего один раз, – полуночнике. Она вынуждена пойти на сделку и отыскать его в обмен на жизнь своего отца. В то время как Фейбл увлекают в мир лжи и предательства, она узнает, что мрачные секреты, которые ее мать унесла с собой в могилу, теперь способны навредить дорогим ей людям. Чтобы спасти их, девушке предстоит рискнуть всем, что она только недавно обрела.

Эдриенн Янг

Безымянная

Маме,

которая научила меня быть сильной

Adrienne Young

NAMESAKE

Copyright © 2021 by Adrienne Young

Jacket design by Kerri Resnick

Jacket photograph by Svetlana Belyaeva

Spine image © photo-world/Shutterstock

Back cover and flap art © Vandathai/Shutterstock (gold dust)

All rights reserved.

© Евсей В., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Пролог

После первого погружения я впервые попробовала виски.

Я плыла сквозь воду, наполненную звоном драгоценных камней, за маминной фигурой к играющему на поверхности воды свету.

Ноги горели от ударов по тяжелому поясу – Изольда настояла, чтобы я надела его в свое первое погружение на рифе. Я сморщилась – сердце колотилось в груди – и вынырнула под ясным небом.

Первое, что бросилось мне в глаза, – это отец, который выглядывал с левого борта «Жаворонка», упершись локтями о борт. И улыбался, что случалось крайне редко, отчего во взгляде его голубых глаз проблеснула искорка, будто вызванная огнивом.

Мама протащила меня по воде и приподняла к лестнице, чтобы я смогла зацепиться за нижнюю перекладину. Я полезла по лестнице, дрожа от холода, и как только перебралась на борт, оказалась в объятиях ожидающего Сейнта. Он понес меня по палубе – с моих рук и волос текла вода.

Мы оказались в каюте рулевого. Сейнт стянул со своей кровати стеганое одеяло и укутал меня в него – все вокруг наполнилось ароматным запахом коровяка. Вскоре в каюту зашла мама, и я у видела, как папа наполнил один из изумрудных стаканов виски.

Он поставил стакан в центр стола. Я взяла его и повернула стекло так, чтобы на гранях стакана отражался и блестел солнечный свет.

Сейнт стоял в ожидании. Когда я поднесла стакан к губам и залпом выпила виски, уголок его рта, закрываемый усами, изогнулся в ухмылке. Сначала начало гореть горло, затем желудок, я зашипела, стараясь спокойно дышать.

Мама взглянула на меня с чувством, которого я не видела в ее взгляде до этого момента. Почтение. Будто произошло что-то одновременно чудесное и ужасное. Она моргнула и притянула меня между собой и Сейнтом. Я утонула в тепле их объятий, которое перенесло меня в детство.

Но теперь я не на «Жаворонке».

Один

Я распахнула глаза от удара шкива о палубу, отчего вокруг вдруг появился залитый светом мир. Раздались шаги на деревянной поверхности. На четвердеке замелькали тени. Зашуршали развевающиеся на мачте паруса.

Голову пронзила боль, я сощурилась от солнечного света и принялась считать. На «Луне» было как минимум двадцать человек в экипаже, а возможно, и больше, если на борту оказались беспризорники Уотерсайда. Их скрывают либо в трюме, либо в каюте рулевого. С того момента, как я очнулась, я так и не видела Золу. Время тянулось, а солнце мучительно медленно двигалось по западной стороне неба.

В проходе захлопнулась дверь, я стиснула зубы, отчего челюсть пронзила боль. По всей палубе раздалась тяжелая поступь Клова, который направился к штурвалу. Его шершавые руки коснулись спиц штурвала, а взгляд упал на пылающий горизонт.

Штурмана отца я не видела уже четыре года, с того самого дня на Джевале, когда он и Сейнт вытянули лодку на отмель и бросили меня на пляже. Но я помнила его лицо. Я бы узнала его где угодно, потому что оно было в почти каждом моем воспоминании. Воспоминаниях о «Жаворонке». Воспоминаниях о родителях. Его лицо всплывало даже в самых старых, размытых фрагментах прошлого.

С момента, как я заметила его, Клов почти не обращал на меня внимания, но по его вздернутому вверх подбородку и взгляду, блуждающему над моей головой, стало понятно, что он однозначно знает, кто я такая.

Помимо родителей Клов был единственным близким для меня человеком, и он спас мне жизнь в ту ночь, когда «Жаворонок» затонул в Силках Бури. Но он даже не обернулся, когда уплывал с отцом от Джевала. И не вернулся за мной. Когда я встретила на Серосе с Сейнтом, отец сказал, что Клов больше не с нами, отчего я представляла, что его кости лежат на наносе из ила на дне Узкого пролива. Но вот же он, штурман «Луны».

Клов почувствовал на себе мой изучающий взгляд. Возможно, из глубин его сознания пробилось то же самое воспоминание, которое он тщательно там похоронил. Его спина распрямилась, невозмутимый взгляд слегка ослабел. Но Клов так и не взглянул на меня, отчего я не могла понять, изменился ли он или остался тем самым Кловом, которого я помнила. Сейчас моя жизнь зависела от этого.

Перед мачтой остановилась пара сапог, и я взглянула в лицо женщине, которую уже видела этим утром. Ее остриженные волосы цвета соломы разлетались на лбу. Она поставила рядом со мной ведро воды и вытянула из-за пояса нож.

Женщина села на корточки и потянулась сверкающим на солнце ножом к моим рукам. Я отпрянула назад, но она рванула веревку на себя и прислонила холодное лезвие ножа к моему запястью. Она освобождала меня.

Я замерла, оглядываясь на палубу, в голове бешено закрутились мысли, и я осторожно подобрала под себя ноги. Резкий рывок ножа, и мои руки освободились. Я вытянула перед собой дрожащие ладони. Как только ее взгляд опустился вниз, я резко вдохнула и кинулась вперед. Я на полной скорости врезалась в нее, ее глаза распахнулись, и она с грохотом упала, ударившись головой о деревянную палубу. Я прижала ее к бухте троса?[1 - Бухта троса – трос, уложенный кольцами.] у правого борта и потянулась за ножом.

К нам поспешили шаги, и за спиной раздался грубый голос:

– Нет. Пусть даст волю эмоциям.

Экипаж застыл на месте, и как только я обернулась через плечо, женщина выбралась из моей хватки и повалила меня ногой в сапоге. Я прорычала, поползла к женщине и схватила ее за запястье. Она попыталась пнуть меня, но я ударила ее руку о железную рукоятку, которая опускала якорь. Я почувствовала, как под кожей ломаются мелкие кости, и с еще большей силой ударила ее снова, отчего из хватки женщины выпал нож.

Я перелезла через нее и схватила нож, от головокружения врезавшись в борт. Я подняла перед собой трясущееся лезвие. Нас окружала только вода. Ни намек на сушу. Вдруг внутри меня что-то упало, сердце замерло.

– Закончила? – снова прогремел голос, каждый обернулся к проходу.

Показался рулевой «Луны»: руки в карманах, на лице ни капли беспокойства от того, что я возвышалась с ножом в руках над членом его команды.

Зола проплелся между людьми с тем же беззаботным настроением, с каким горели его глаза в таверне в Серосе. Его лицо озаряла насмешливая ухмылка.

– Я приказал умыть ее, Калла. – Его взгляд упал на женщину у моих ног.

Она посмотрела на меня, взбешенная вниманием экипажа. Ее сломанная и уже опухшая рука покоилась у ребер.

Зола сделал ко мне четыре медленных шага и достал из кармана одну руку. Он протянул мне ладонь и кивнул подбородком на нож. Я не пошевелилась, отчего его губы растянулись в улыбке. Корабль на мгновение накрыла мертвая тишина, пока мое горло не схватила другая рука Золы. Он впечатал меня в борт и сжал пальцы так, что я уже не могла дышать.

Всем своим весом Зола навалился на меня, отчего я перегнулась за борт, а носки сапог оторвались от палубы. Я оглядывала головы за его спиной в поисках светлых волос Клова, но его там не было. Когда я чуть не упала за борт, я отбросила нож, который со звоном упал на палубу и скользнул по деревянной поверхности так, что теперь до было невозможно дотянуться.

Калла подняла его и засунула за пояс, рука Золы мгновенно отпустила меня. Я упала на веревки и начала хватать ртом воздух.

– Умойте ее, – снова сказал он.

Зола ненадолго задержал на мне взгляд и развернулся на пятках. Он прошагал мимо команды к штурвалу, на который опирался Клов с прежним безразличным взглядом.

Калла рывком подняла меня здоровой рукой, толкнула к носу корабля, где у фок-мачты до сих пор стояло ведро с водой. Команда вернулась к работе, а она достала обрезок ткани из-за пояса.

– Снимай, – плюнула она, смотря на мою одежду, – сейчас же.

Мой взгляд упал на работающих матросов, прежде чем я отвернулась к носу корабля и стянула через голову рубашку. Калла села на корточки позади меня,

натерла обрезок ткани о кусок мыла и принялась окунать его в ведро, пока не появилась пена. Она с раздражением протянула мне ткань, которую я взяла в руки и начала смывать с себя пот, не обращая внимания на членов экипажа. Вода, стекающая по моей коже на палубу, порозовела от засохшей крови.

Прикосновения к коже оживили воспоминания о Уэсте в его каюте, о весе его теплого тела на мне. Глаза снова обожгли слезы, я втянула носом воздух в попытке осушить их и отодвинуть подальше воспоминания, пока они совсем не захлестнули меня. Запах утра, когда я проснулась в его кровати. Его лицо в сером свете, его дыхание на моей коже.

Я потянулась рукой к ямочке у основания ключицы, вспомнив о кольце, которое я выторговала в комиссионной лавке. Его кольцо.

Оно пропало.

Уэст проснулся в каюте один. Наверное, он стоял в ожидании на носу корабля, всматриваясь в гавань, а когда я не появилась, он мог отправиться в Дерн.

Не знаю, видел ли кто-нибудь, как меня тащили на «Луну». А если и видели, то вряд ли расскажут. Уэст мог решить, что я передумала. Заплатила за переправу до Сероса какому-нибудь торговцу в порту. Но если и так, то я забрала бы часть из вырученных денег, логически размышляла я, пытаюсь отогнать всевозможные идеи, кроме одной, в которую я хотела верить.

Что Уэст отправится на мои поиски. Что он приплывет за мной.

А если он приплывает, то случится что-то похуже. Я видела и скрытую сторону рулевого «Мэриголд», в ней таилась тьма, полная огня и копоти.

Ты его не знаешь.

Во мне эхом отозвались слова, сказанные Сейнтом в таверне.

Возможно, Уэст и команда «Мэриголд» разорвут все связи с Сейнтом и со мной. Отправятся в свой собственный путь. Возможно, я не знала Уэста. Не слишком хорошо.

Но отца-то я знала. И прекрасно понимала, какие игры он затеял.

Я отмывала себя все сильнее, соленая вода щипала кожу, и, закончив, увидела Каллу с парой новых брюк. Натянув их на себя, я завязала тесемки на талии, чтобы брюки не спали с бедер, и Калла бросила в меня чистую рубашку.

Когда я завязала волосы в узел, она окинула меня взглядом и, удовлетворившись, развернулась к проходу под квартердеком. Она подождала меня и поспешила мимо Клова в каюту рулевого. Я замешкала, когда остановилась в его тени и, подняв взгляд, посмотрела на него из-под ресниц. Последняя капля сомнения в том, что это был он, испарилась, и я всмотрелась в его обгоревшее на солнце лицо. На языке вертелся ураган всего, что я желала ему высказать, и я проглотила отчаянное желание закричать.

Губы Клова поджались под усами, прежде чем он открыл лежащий на столе бортовой журнал и провел огрубелым пальцем по странице. Вдруг он был так же удивлен видеть меня, как и я его? Вдруг Зола втянул нас обоих в свою войну с Уэстом? Чего я совсем не могла понять, так это почему он работает на человека, которого отец ненавидел больше всего на свете.

Он закончил с записью, закрыл журнал, и, устремив взгляд на горизонт, слегка повернул штурвал. Клов либо стыдился смотреть на меня, либо боялся, что кто-нибудь заметит. Не знаю, что из этого хуже. Клов, которого я знала, перерезал бы горло Золе только за то, что тот притронулся ко мне.

– Не тормози, ныряльщица! – прокричала Калла из прохода, придерживая одной рукой открытую дверь.

Я окинула Клова взглядом длиной в один вздох и проследовала внутрь, оставив его и солнечный свет. Я ступила в зябкую темноту, сапоги отбивали четкий ритм по деревянным половицам, несмотря на то что моими конечностями завладела дрожь.

За мной растянулась бескрайняя морская синева. Единственный способ выбраться с корабля – узнать, что задумал Зола, но у меня не было тузов в рукаве. Ни затонувшего корабля, полного самоцветов, для сделки, ни денег, ни секретов, что вызволят меня из ловушки, в которую я попала. Но даже если за мной и плыла «Мэриголд», я была совершенно одна. Груз мыслей камнем повис

внутри меня, и на плаву меня удерживала только ярость. Я не стала подавлять ее – чувство завладевало мной – и снова взглянула на Клова.

Неважно, как Клов оказался на «Луне». Сейнт ни за что не простит такое предательство. Да и я не могла. Никогда еще отец не был так близок мне, и вместо испуга меня наполнило чувство крепкой силы. Ноги будто якорем пригвоздило к палубе в момент, когда меня озарило.

Я не какая-то джевальская ныряльщица, не пешка во враждебной игре Золы с Уэстом. Я дочь Сейнта. И прежде чем я сойду с «Луны», об этом здесь узнает каждый мерзавец.

Два

В каюту рулевого вела ясенная дверь с выжженный на ней гербом «Луны». Над тремя стеблями ржи возвышался полумесяц. Калла открыла дверь, я последовала за ней. Меня окутал прелый затхлый запах старых бумаг и лампового масла.

Пыльный луч света пеленой покрывал каюту, растворяясь в темных углах. Неравномерный цвет стен выдавал истинный возраст корабля. Старый, но прекрасный: в каждой детали каюты чувствовалась искусная работа мастера.

Пространство не было захлавлено: в нем выделялись только обшитые атласом стулья, стоявшие у длинного стола, во главе которого сидел Зола.

В центре стола красовались серебряные подносы с едой и золоченые подсвечники. Лучи света танцевали на блестящих ножках фазана и жареных артишоках с почерневшей кожурой – настоящее пиршество.

Даже не посмотрев на меня, Зола подхватил кусочек сыра из миски и уложил его на край своей тарелки. Над головой Золы, поскрипывая, на крючке висела поржавевшая люстра, отбрасывающая мерцающий свет – на ней осталось совсем немного хрустальных шариков. Все зрелище кричало о попытке бедняка показать свое величие, хотя, казалось, Зола это не смущало. В его жилах текла

кровь Узкого пролива, поэтому он скорее умрет от своей горделивости, чем признает свое лживое притворство.

– Что же, добро пожаловать на «Луну», Фейбл. – Зола поднял на меня взгляд, плотно сжав губы.

Я почувствовала жжение на горле, которое всего пару минут назад он сжимал своими руками.

– Присядь. – Зола взял со стола украшенный жемчугом нож и вилку и принялся разделывать фазана. – Давай, не стесняйся. Ты, должно быть, голодна.

Из открытого окна подул ветерок, задевая на своем пути свернутые на столе Золы карты, отчего их растрепанные края радостно затрепетали. Я осмотрела каюту, пытаюсь найти какую-либо подсказку о том, что он задумал. Но она не отличалась от всех тех кают рулевого, которые я уже видела. Да и Зола ничем себя не выдавал, только выжидательно смотрел на меня поверх подсвечников.

Я небрежно отодвинула стул на противоположную сторону стола – ножки скрипели по полу – и села. Довольный, Зола снова обратил свое внимание к тарелке. Как только из фазана стал вытекать сок, я отвела взгляд в сторону. Соленый запах еды пробудил во мне тошноту, но даже она не сравнится с тем голодом, который я испытаю через пару дней.

Зола наколот вилкой кусок мяса, вытянул его перед собой и посмотрел на Каллу. Она кивнула и выскользнула из каюты, закрыв за собой дверь.

– Верится мне, ты осознала, что мы далеко от суши и тебе не попытать удачу в море. – Он закинул кусок фазана в рот и прожевал его.

Наверняка я знала одно – мы плывем на юго-запад. Но куда мы направляемся, непонятно. В Узком проливе самым южным портом был Дерн.

– Куда мы плывем? – спокойно спросила я, расправив спину.

– К Безымянному морю, – ответ дался Золе слишком легко, что мгновенно насторожило меня. Однако я не смогла скрыть своего удивления, чему Зола был

явно рад. Он подцепил кусочек сыра и завертел пальцами вилку.

– Тебе нельзя плыть к Безымянному морю, – бросила я, поставив локти на стол и нагнувшись вперед.

Бровь Золы изогнулась, он медлил с ответом, прожевывая пищу.

– Значит, люди до сих пор рассказывают эту байку?

От меня не ускользнуло, что Зола не поправил меня. Зола до сих пор разыскивали в тех водах, отчего могу предположить, что у него было разрешение на торговлю в портах, расположенных ниже Узкого пролива.

– О чем задумалась? – ухмыльнулся он. По голосу Золы казалось, что ему действительно интересно.

– Пытаюсь понять, почему война с Уэстом для тебя важнее собственной головы.

Его плечи затряслись, голова склонилась вниз, и как только я подумала, что он подавился куском сыра, я осознала, что Зола смеется. Истерично.

Он ударил ладонью стол, сощурил глаза и отвалился на спинку стула.

– Ох, Фейбл, ты же так глупа. Уэст тут совсем ни при чем. И тот ублюдок, за которого он делает грязную работу. – Зола выронил нож. Он лязгнул о тарелку, отчего я вздрогнула.

Так он знает, что Уэст работает на Сейнта. Возможно, из-за этого и возникли разногласия.

– Да, я знаю о «Мэриголд». Я не дурак. – Его ладони опустились на подлокотники стула.

Внутри меня все сжалось: его расслабленное поведение подсказывало, что где-то нависла большая опасность, которую пока мне не под силу увидеть. Зола слишком расслаблен. Слишком спокоен.

– Дело в тебе.

По коже пробежали мурашки.

– Это еще что значит?

– Фейбл, я знаю, кто ты такая.

Его слова прозвучали где-то вдалеке. Всего лишь эхо на просторах океана, полного паники, завладевшего моей душой. У меня сперло дыхание, будто грудь веревкой перевязали. Зола был прав. Я была глупой. Зола знал, что я дочь Сейнта, потому что его штурман – один из трех людей, которые во всем Узком проливе знали об этом. Вряд ли это совпадение.

Если это все-таки правда, то Клов предал не только Сейнта. Он также предал мою маму. А я и подумать не могла, что Клов на такое способен.

– Ты и правда похожа на нее. На Изольду.

У меня скрутило живот от того, насколько его слова были пропитаны близкими отношениями с моей мамой. Я с трудом поверила отцу, когда он рассказал мне о том, что Изольда работала на «Луне», прежде чем стала членом команды Сейнта. Она никогда не говорила о тех временах, будто время установилось после того, как она уплыла из Бастиана и примкнула к команде «Жаворонка».

Уже в те времена Зола враждовал с отцом. Противостояние между торговцами не прекращалось, но Золе удалось найти то оружие, которое круто изменило течение войны.

– Как ты узнал? – спросила я, внимательно наблюдая за ним.

– Будешь притворяться, что не знаешь моего штурмана? – Он встретился со мной холодным взглядом. – Сейнт сжег много мостов, Фейбл. Жажда мести сильно движет людьми.

Я медленно вздохнула, наполняя ноющую грудь влажным воздухом. Крошечная частичка моей души хотела, чтобы он опроверг это. А надломленная частичка

разума надеялась, что узнал он это не от Клова.

– Если ты знаешь, кто я такая, то понимаешь: только Сейнт узнает обо всем, он убьет тебя, – бросила я, желая, чтобы в словах появилась доля правды.

Зола пожал плечами.

– Скоро он не будет моей заботой. – В его голосе звучала уверенность. – Вот поэтому ты и здесь. Мне нужна твоя помощь. – Он откинулся на спинку стула, потянулся за буханкой хлеба и оторвал от нее кусок.

Я наблюдала, как он жирно намазывает масло на корку.

– Моя помощь?

Он кивнул.

– Именно. После сможешь вернуться к своей жалкой команде или в какое-нибудь захолустье на Серосе, где ты хотела обжиться.

Тревожило то, что Зола, казалось, правда, имеет это в виду. В его взгляде, остановившемся на моих глазах, не было ни капли лукавства.

Мой взгляд снова обратился на закрытые ставни окна, за планками которых сияла голубая вода. Здесь должна совершиться сделка. Я ему нужна.

– Чего ты от меня хочешь?

– Ничего, с чем бы ты не справилась. – Он медленно очистил артишок от кожуры и пронзил мякоть зубами. – Почему ты не ешь?

Я бросила на него взгляд. Только на смертном одре я соглашусь поесть или принять что-нибудь от любого на этом корабле.

– Ты всегда кормишь пленников со своего стола?

– Фейбл, ты не пленница. Я же говорил. Мне просто нужна твоя помощь.

– Ты только что похитил меня и привязал к мачте корабля.

– Решил, что это лучший для тебя способ выпустить пар перед нашим разговором. – Его губы снова растянулись в улыбке, и Зола покачал головой. – Как я и говорил: вся в нее. – Хрипло рассмеявшись, он опустошил стакан с виски и с грохотом впечатал его в стол. – Калла!

За дверью слышали шаги, и она распахнулась. Калла застыла в ожидании в проходе.

– Калла покажет тебе твой гамак в трюме для экипажа. Если тебе что-то понадобится, обращай к ней.

– Гамак? – Я в замешательстве перевела взгляд с Золы на Каллу.

– О своих обязанностях узнаешь завтра и беспрекословно их примешь. Те, кто отлынивает от работы на этом корабле, не едят. Поэтому до суши они обычно не доживают, – добавил Зола, скривив рот.

Я не могла понять, в его выражении лица проявлялось помешательство или веселье. Возможно, и то, и другое.

– Верни мне мой нож.

– Он тебе не понадобится, – ответил он с набитым ртом. – Экипажу приказано не приставать к тебе. На «Луне» ты в безопасности.

– Верни мне нож, – повторила я, – и кольцо.

Зола обдумывал мои слова, взял со стола льняную салфетку и вытер жирные пальцы. Он встал со стула с искусной резьбой, подошел к своему столу у дальней стены и потянулся к вороту рубашки. Вдруг из-за ворота показалась золотая цепь, и в воздух взлетел железный ключ, который Зола поймал ладонью. Замок ящика щелкнул от поворота ключа, и ящик открылся. Зола достал кольцо и передал его мне.

Затем он достал нож, перевернул его в руке и протянул мне.

– Я уже видел этот клинок.

Потому что он принадлежал Уэсту. Он отдал его мне перед тем, как мы сошли с «Мэриголд» в Дерне, чтобы продать собранные драгоценности с «Жаворонка». Я забрала клинок у Золы и потерла изношенную ручку большим пальцем – в груди боль все наступала. Чувство близости к нему окутало меня, как порыв ветра на палубе: вот ты его ощущаешь всем телом, но в следующую секунду он проскакивает к борту и скрывается в море.

Зола в ожидании взялась за ручку двери. Я заткнула нож за пояс и ступила в темный проход.

– Пошли, – раздраженно бросила Калла.

Она исчезла на нижних ступенях лестницы, которая вела в трюм. Я медлила, обернувшись в сторону палубы в поисках Клова. Но управление кораблем взял на себя кто-то другой. Клова не было.

Ступени заскрипели, когда я начала спускаться в чрево корабля, воздух стал холоднее в тусклом свете подвешенных в коридоре фонарей. В отличие от «Мэриголд» этот коридор был главной артерией корабля, от которого ответвлялись проходы к другим каютам и складским помещениям.

Я замерла на месте, когда мы проходили мимо одной из открытых дверей, за которой виднелся мужчина, склонившийся над набором инструментов и занятый ведением записей. Кайла, молотки, зубила. Мои брови сдвинулись, когда я заметила в темноте блеск только что обожженного металла. Инструменты ныряльщика. А за мужчиной зияло черное пространство.

Сощурившись, я прикусила щеку. «Луна» предназначена для перевозки крупных товаров, но ее корпус оказался пуст. Должно быть, корабль недавно разгрузили. Я заметила, что в Серосе корабль тяжело дрейфовал на воде. Зола не просто направлялся к Безымянному морю, так еще и оставил весь груз.

Почувствовав на себе мой взгляд, мужчина замер и поднял взгляд – глаза словно осколки черного турмалина. Он протянул руку к двери и захлопнул ее. Я сжала кулаки, ладони вспотели. Зола прав. Я понятия не имела, что он затеял.

Калла прошла до конца узкого коридора, который вел в темное помещение, не закрываемое дверью. Я зашла внутрь и инстинктивно потянулась к ножу. Над куртками и ремнями, висящими на крючках на стенах, на толстых деревянных балках, качались пустые гамаки. В углу трюма, похрапывая и спустив одну руку, спал мужчина, укутанный в стеганое одеяло.

– Вот твое место, – Калла кивнула на низко подвешенный гамак в третьем ряду.

– Это трюм для экипажа, – проговорила я.

Она пристально смотрела на меня.

– Я не член экипажа. – Мои слова подчеркнуло слышимое в голосе возмущение. Я вышла из себя, только представив, что буду спать вместе с экипажем. Мне здесь не место. Никогда не будет.

– Член, пока Зола не решит обратное. – Похоже она пришла в бешенство. – Он настрого приказал не приставать к тебе. Но знай... – она понизила голос, – мы знаем, что вы, мерзавцы, сделали с Крейном. И мы этого не забудем.

Это не предупреждение. Это угроза.

Я переступила с ноги на ногу, усилив хватку на ноже. Если в экипаже знали, что я была на «Мэриголд», когда Уэст и его команда убили Крейна, то каждый дышащий на этом корабле становился моим врагом.

Между мной и Каллой повисло напряженное молчание, пока она все-таки не ушла сквозь открытый проход. Я оглянулась в темной комнате, нервно выдохнув. Над головой послышался стук ботинок, а корабль слегка накренился – порыв ветра запутался в парусах, – отчего гамаки задвигались, как стрелки компаса.

Под натиском жуткой тишины я крепко обняла себя руками и нырнула в темный угол между сундуками, чтобы хорошенько осмотреть трюм. С корабля мне не

убежать, пока мы не доберемся до порта, и я уж точно не узнать, куда мы направляемся. Или зачем.

В мысли ворвались воспоминания о моем первом дне на «Мэриголд»: я стояла в проходе, опустив руку на герб на двери. На корабле я была посторонней, но стала частью его. И теперь каждая частичка моего тела с болью просилась обратно на корабль. Под кожей вспыхнул жар, глаза наполнились слезами. Я была дурой. Позволяла себе думать – даже ненадолго, – что находилась в безопасности. Что нашла семью и дом. И всего за одну секунду меня лишили всего этого.

Три

Лучи бледного лунного света медленно перемещались по деревянному дощатому полу, подбираясь все ближе ко мне, пока палубу не окутало утреннее тепло.

Видимо, Зола не соврал: команде приказано не приставать ко мне. Члены экипажа даже не смотрели в мою сторону, когда возвращались в трюм, чтобы подменить друг друга на смене. Подчас посреди ночи я закрывала глаза, но продолжала крепко сжимать в ладони клинок Уэста.

Из полудремы меня вытянули доносившиеся из прохода голоса. «Луна» волочилась по волнам, я напряглась от того, что рядом со мной по полу прокатилась голубая стеклянная бутылка. Я почувствовала, что корабль замедляет ход, затем раскрыла ноги и встала на пол.

Над головой кто-то зашагал. Я вжалась в стену, ожидая, что сейчас зайдут в трюм. Однако из прохода доносился только гул ветра.

– Убрать паруса! – Я вздрогнула от мощного голоса Клова.

Живот скрутило, пока я наблюдала за мелькающими тенями между планками на ставнях. Мы подплывали к порту.

Клов раздавал приказы, и все больше голосов отвечало ему. Корабль снова тяжело осел, и я, поскользнувшись на мокрых половицах, потянулась к переборке?[2 - Переборка – вертикальная стенка внутри корпуса судна, разделяющая внутренне пространство на отсеки.], чтобы не потерять равновесие.

Либо с попутным ветром мы за ночь уплыли из Узкого пролива, либо мы делали остановку.

Я вышла в проход и, придерживаясь одной рукой за стену, стала осторожно переступать с ноги на ногу. Калла не сказала, чтобы я оставалась в трюме, да и Зола подтвердил, что я не пленница, но казалось, если я буду ходить по кораблю в одиночестве, кто-то вот-вот воткнет мне нож в спину.

Как только я поднялась на палубу, меня ослепило солнце, отчего я быстро заморгала, пытаясь присмотреться сквозь яркий свет. Два члена экипажа взбирались по огромным мачтам до оттяжек?[3 - Оттяжка – снасть, которая удерживает паруса.] и отточенными движениями спускали паруса.

Я замерла на месте, увидев Клова у штурвала, и спряталась в тени мачты. При взгляде на него мои челюсти сжались, все тело пронзила ярость. Никогда бы не подумала, что в этой жизни Клов сможет предать Сейнта. Но хуже всего то, что ему доверяла она – моя мама. Она любила Клова как брата, отчего было просто невыносимо, что он способен предать ее. Этого просто не могло быть.

Зола стоял на носу корабля, скрестив на груди руки, – ворот куртки приподнял, чтобы защититься от ветра. Но дыхание у меня сперло от того, что виднелось за ним. Я ухватилась за борт раскрыв рот.

Джевал.

В ярко-синем море остров походил на сияющий изумруд, из бурлящих вод, как почерневшие зубы, выступали барьерные островки. «Луна» заплыла в крайнюю бухту с неказистыми причалами, а вдалеке за знакомым горизонтом поднималось солнце.

Последний раз я видела остров, когда, спасаясь, убегала с него. Я положились на милость команды «Мэриголд» после четырехлетних попыток выжить, ныряя

на этих рифах. И чем ближе мы подплывали, тем крепче сжимались мышцы на моем теле.

Я узнала босоногого мальчика, который прибежал на причал, чтобы закрепить бросательный конец, так как «Луна» приближалась к выходящим на поверхность камням. Рядом со мной матрос перебрался за борт, потянулся к тросам, которые удерживали трап, и принялся развязывать узлы. Трап со стуком съехал по правому борту.

– Зачем мы здесь? – тихо спросила я.

Приподняв бровь, мужчина поднял на меня взгляд, которым изучил все мое лицо. Но так и не ответил.

– Райленд! Уик!

С четвердека спустились два члена команды. Первый долговязый и тощий со светлой копной волос. Второй крупный и широкоплечий с коротко подстриженными – почти налысо – темными волосами. Матрос бросил к их ногам ящик, внутри которого задребезжал металл – я вздрогнула.

– Разбирайте.

По надетым поясам стало понятно, что это ныряльщики Золы. Почувствовав на себе мой взгляд, темноволосый посмотрел на меня – глаза цвета обожженной пшеницы.

Джевал не порт. Сюда приплыли только за тем, чтобы сбросить лишний груз. Например, ящик свежих яиц, которые не удалось продать в каком-нибудь портовом городе, пару лишних куриц, которых не съела команда. Но был и пиролит. Но такой камень вряд ли привлечет Золу, тем более до этого на острове я не видела кораблей под его флагом.

Раз мы причалили на Джевал, то Золе было нужно что-то другое. То, чего не найти в Узком проливе.

Я прошла к носу корабля рядом с бортом и затаилась за фок-мачтой, чтобы меня никто не смог узнать. В небольшой бухте на якоре стояли только маленькие суда, а вдалеке я заметила отплывающие от острова лодки, которые оставляли за собой на воде белый след и были набиты торговцами.

Всего пару недель назад я была бы среди них: отправилась на барьерные острова, а затем продала команде «Мэриголд» пиролит. Такими утрами я просыпалась с дырой в груди, потому что тонкий голос внутри меня боязливо кричал о том, что туман развеется и Уэст не приплывет. Но вот я поднималась на утес, возвышающийся над морем, и видела приплывшую «Мэриголд». И так каждый раз.

Прежде чем спуститься с корабля по трапу, Золя поднял руку и похлопал Клова по плечу. На Джевале не было капитана порта, но если с кем-то требовалось что-то обсудить, то обращались к Сорену, который уже тут как тут ожидал на причале. Его мутные очки отражали солнечный свет, а сам Сорен посматривал на «Луну», и мне на мгновение показалось, что его взгляд остановился на мне.

Он не раз обвинял меня в воровстве и даже однажды заставил выплатить долг – которого не было за мной – в размере прибыли за недельный улов рыбы. Его взгляд скользнул по кораблю, не задержавшись на мне, и вдруг я осознала, что я не та девчонка, которая бросилась к трапу «Мэриголд». Та, которая, пытаясь выжить на Джевале, побиралась и собирала каждый медяк, чтобы когда-нибудь отыскать мужчину, которому она и не была нужна. Теперь же я та девушка, которая обрела себя. Но также мне было и что терять.

Мой взгляд остановился на Золе, как только его ботинки застучали по причалу. Сорен вальяжно подошел к трапу и, как только Золя заговорил, подставил к нему слышащее ухо. Сплошная густая бровь приподнялась над оправой очков, и Сорен кивнул.

Грузовой отсек пустовал, поэтому покупать Золе придется деньгами. Но на острове торговать нечем, кроме как рыбой, тросами и пиролитом. Ничего из этого не продать в Безымянном море.

Сорен оставил Золю и исчез в толпе, скопившейся на шатком деревянном настиле причала.

Я наблюдала, как Сорен прошел сквозь суматошную толпу и наконец исчез за кораблем.

Вокруг меня каждый член команды занимался своими делами, и никого из них не удивляла остановка на острове ныряльщиков. Я подняла взгляд на грот-мачту и верхнюю палубу, на которой матросы разворачивали штормовые паруса. Такие в Узком проливе не использовали. Они изготовлены для чудовищных ветров, которые терзают все Безымянное море.

За моей спиной вплоть до Дерна растянулась бездонная голубая гладь. Я знала, как выжить на Джевале. Если я выберусь с «Луны», если найду способ... Мысли перескакивали с одной на другую. Если «Мэриголд» отправилась на мои поиски, то скорее всего она пойдет по курсу Золы напрямик к Соване. И в итоге окажется на Джевале.

Но часть меня все еще думала, что команда «Мэриголд» решит отделаться малой кровью. У них были драгоценности с «Жаворонка». Они могли бы уплатить долг Сейнту и начать торговать самостоятельно, шептал тонкий голосок в моей голове.

Возможно, они вообще не будут искать меня.

Я заскрипела зубами, уставившись на свои ботинки. Я поклялась не возвращаться на Джевал, но, может, сейчас это моя последняя возможность остаться в Узком проливе. Я крепче схватилась за борт и посмотрела на воду. Прыгну – доплыву до барьерных островов быстрее любого на этом корабле. Спрячусь в ламинариях в бухте. Когда-то же меня бросят искать.

Вдруг я почувствовала, как по моей коже крадется чей-то взгляд, и обернулась. Клов стоял с обратной стороны штурвала и смотрел на меня так, будто знал, что я задумала. Он впервые, без колебаний, встретился со мной взглядом.

Убрав руки с борта, я навалилась на него и посмотрела на Клова в ответ. Он постарел. Его светлую бороду исполосовали седые волосы, а под татуировками на руках кожа потеряла свой теплый золотистый оттенок. Но это все еще Клов. Тот же мужчина, который пел мне на ночь старые трактирные песни на «Жаворонке». Который научил меня карманничать в портах и покупал мне красные апельсины на причале в Дерне.

Казалось, что Клов снова прочитал мои мысли, потому что у него передернуло лицо.

Я обрадовалась. Я никогда не ненавидела кого-то так, как в тот момент ненавидела Клова. Никогда так сильно не желала, чтобы кто-то сдох. Плечи Клова напряглись, когда я мысленно передала ему свои слова и представила его в ящике, подобном тому, который Уэст сбросил в темные воды. Представила крик, вырывающийся из его глотки. Отчего уголки губ взлетели вверх, но глаза наполнились слезами от боли в разбитой губе.

Еще недолго он продержал на мне свой мертвый взгляд и, вернувшись к работе, ушел в арочный проем, ведущий в каюту рулевого.

Мои слезы встретила закипающая в груди злость. Если Клов пошел против Сейнта, то Зола прав: Клов хотел за что-то отомстить и использовал меня для достижения цели.

Снизу послышались голоса, и я обернулась к пристани, на которую вернулся Сорен с пергаментным свитком в руках. Он развернул его перед Золой, который стал внимательно изучать написанное. Закончив, Зола взял из руки Сорена перо и поставил подпись. Рядом стоящий мальчик налил воск на край пергамента, который Зола прижал своим перстнем торговца. Он заключал сделку.

Вскоре за ними в ряд выстроились ныряльщики. Нахмурившись, я наблюдала, как Зола медленно шагает вдоль ряда, пристально рассматривая каждого человека. Он остановился, когда заметил, что молодой парень прячет за спиной руку. Зола потянулся ему за спину и дернул правую руку парня: на пальцах была наложена повязка.

Отпустив его руку, Зола выгнал парня, место которого занял другой ныряльщик, стоявший в ожидании на краю причала.

И только тогда я осознала, что было на уме у Золы. Мы причалили на Джевал не торговать или запастись припасами. Также Зола не собирался покупать пиролит. Ему были нужны ныряльщики.

– Готовьте! – прокричал Клов.

Матрос оттолкнул меня от борта.

– С дороги! – прорычал он.

Я обошла его, пытаясь внимательнее рассмотреть происходящее, но команда уже поднимала якорь. Калла поднялась на четвердек, и я последовала за ней, осматривая гору ящиков, а на борт вернулся Зола.

Ныряльщики с причала потянулись за ним на корабль, и экипаж «Луны» перестал работать: каждый член команды устремил свой взгляд на людей с золотистой кожей, перебирающихся на борт.

Вот поэтому я нужна Золе. Его интересует что-то на морском дне. Но у него уже было два ныряльщика, а со мной – три. На «Луну» поднялись как минимум восемь джевальцев, остальные еще взбирались по трапу.

На горизонте заволновалось море: поднялись волны от налетевшего порыва северного ветра. По телу пробежал холодок, и я снова повернулась к причалу. Последние ныряльщики зашли на борт, и я застыла на месте, когда солнце осветило знакомое мне лицо. Лицо, которое я боялась встретить каждый день на Джевале.

Кой, заняв свое место среди ныряльщиков, на голову возвышался среди них. И когда его взгляд устремился на меня, я увидела в нем то самое ошарашенное чувство осознания, которое было в моих собственных глазах.

Я хрипло протянула на выдохе:

– Черт.

Четыре

Я наблюдала за ним.

Кой прислонился к ящикам, установленным на корме, и не отрывал взгляда от распахнутых парусов. «Луна» отдалялась от барьерных островов, Джевал становился все меньше и меньше. Куда бы мы ни направлялись, Зола зря времени не терял.

Кой не смотрел на меня, но я точно знала, что он чувствует на себе мой взгляд. И я этого хотела.

Последний раз я видела Коя в ту ночь, когда он в темноте, выкрикивая мое имя, разносил причалы. До сих пор помню, как он выглядел под водой: с головы ручейками стекала кровь. Не знаю, что заставило меня броситься за ним. Тысячу раз я задавалась этим вопросом, но так и не смогла дать себе вразумительного ответа. Была бы на его месте я, Кой точно оставил бы меня тонуть.

Да, я ненавидела его, но все-таки с самого начала осознала кое-что в нем. Он добьется всего, чего захочет. Чего бы это ни стоило. И в ту ночь, когда я ступила на борт «Мэриголд», он поклялся, что если я вернусь на Джевал, он привяжет меня к рифу и оставит на съедение морским чудовищам.

Я пробежала глазами по телу Коя, оценивая его рост и вес. У него явное преимущество практически во всем, но я не собираюсь расслабляться и предоставлять ему возможность исполнить свое обещание.

Я не моргала, пока по лестнице тяжелой поступью не поднялся Клов. Он запустил пальцы обеих рук в волосы и закинул волосы назад – рукава его рубашки завернуты до локтя. От знакомых движений в моей груди снова вспыхнула боль.

– Ныряльщики! – окликнул он.

Джевальцы выстроились у правого борта, где Райленд и Уик из команды Золы уже стояли в ожидании. В руках они держали ящики с инструментами, а по выражению их лиц стало понятно, что им совершенно не нравилось происходящее.

Кой закинул на плечо пояс и встал на свое место перед Кловом. В этом весь Кой: нашел на корабле мерзавца, который внушает большой страх, и всем своим видом заявляет, что не боится его. Но когда я взглянула на Клова, все его

внимание было приковано ко мне.

В его глазах сверкнул непоколебимый суровый блеск, отчего у меня подкосились ноги.

– Все! – прорычал он.

Я прикусила нижнюю губы, чтобы она не задрожала. От одного его взгляда время переместилось назад, когда на «Жаворонке» он отчитывал меня, маленькую девочку, за неправильно завязанный узел. Я натянула на лицо маску серьезности и ступила вперед, остановившись в метре от последнего ныряльщика.

– Раз вы зашли на борт этого корабля, то должны соблюдать все правила, – четко проговорил Клов. – Будете делать то, что приказано. В карманах ничего не хранить. – Он замолчал и, прежде чем продолжить, окинул взглядом каждого джевальца. Я видела, как Клов выступал с такими речами сотни раз на корабле отца, которые теперь казались болезненно знакомыми. – Теперь вы члены экипажа «Луны», отчего в день вам положено два обеда. Также следите за чистотой в своих каютах.

Скорее всего он зачитывал условия, изложенные в договоре, подписанном между Золой и капитаном порта, который теперь перешел в руки к Клову. И стоит признать, что условия были очень выгодными. Два обеда для каждого джевальца, стоявшего рядом со мной, были роскошью. Тем более они приплывут домой с такой суммой денег, которую бы месяцами пытались заработать.

– Любой, кто нарушит правила, сам поплывет обратно на Джевал. Вопросы?

– Мы будем вместе, – первым заговорил Кой, заявляя свои условия. Он имел в виду ночлег в каюте; видимо, пытается удостовериться, что никто из ныряльщиков не станет мишенью для экипажа «Луны». На Джевале каждый ныряльщик стоял сам за себя, но сейчас все иначе. Под вопросом стояла безопасность на корабле.

– Хорошо. – Клов кивнул Райленду и Уику, которые, казалось, уже были готовы достать свои клинки. Они вышли вперед и поставили перед строем ящики. – Берите все, что вам нужно для двухдневного ныряния. Считайте это частью

вашего вознаграждения.

Прежде чем Клов успел договорить, ныряльщики бросились к ящикам и, согнувшись над ними, стали выбирать зубила, оценивая остроту инструментов огрубевшими пальцами. Пока они искали в этой грудке стамески и окуляры, которые могли бы добавить на свои пояса, Райленд и Уик с отвращением смотрели, как джевальцы ковыряются в инструментах.

Но это заметила не только я. За парнями стоял Кой, который смотрел в упор на ныряльщиков Золы. Когда они встретились взглядами, всю палубу пронзило молчаливое напряжение. В этот момент я будто стала менее заметной: может, присутствие джевальских ныряльщиков на борту только к лучшему. На меня станут обращать меньше внимания, хотя бы чуть-чуть.

– Фейбл.

Я съежилась, услышав, как Клов произносит мое имя.

Он сделал ко мне три медленных шага, я отпрянула назад и нащупала пальцами ручку клинка Уэста.

Ботинки Клова остановились рядом со мной, и он бегло взглянул на меня. Морщины вокруг его глаз стали глубже, а светлые ресницы напоминали лучи солнца. Под ухом Клова появился новый шрам, который тянулся вдоль шеи и исчезал под рубашкой. Лучше я не буду думать, откуда он взялся.

– Нам стоит беспокоиться из-за кого-то из них? – Его подбородок дернулся в сторону ныряльщиков.

Я посмотрела на него исподлобья, не веря тому, что он заговорил со мной. Более того, ему нужна информация, как будто мы не враги.

– Сами увидите.

– Понятно. – Он потянулся к карману на жилете и достал мешочек. – Сколько?

– Четыре года, – многозначительно ответила я.

Клов вопросительно вскинул брови.

Я шагнула к нему, отчего он сильнее сжал мешочек.

– Верни мне четыре года, которые я провела на острове. Только потом я скажу, кто из ныряльщиков перережет тебе глотку.

Клов не отводил от меня взгляда, в котором сияли неслышимые мне мысли.

– Да это и неважно. – Я склонила набок голову.

– Что?

– Никогда не узнаешь человека по-настоящему, правда? – Слова окутали вложенный в них смысл, и я внимательно вгляделась в его лицо. Никакого эффекта. Ни намека на то, что таилось в его мыслях.

– Мы все выполняем свою работу, правда? – всего лишь ответил Клов.

– Ты больше нас всех. Рулевой, доносчик... предатель, – бросила я.

– Не скандаль, Фей. – Клов понизил голос. – Делай, что приказано, а потом, как и все, получишь вознаграждение.

– А тебе сколько платит Зола? – рявкнула я.

Клов молчал.

– Зачем Золе плыть в Безымянное море?

Он продолжал смотреть на меня, пока повисшую между нами тишину не разорвало брэнчание кольцевых строп, сдерживающих тросы. По палубе, закрывая нас, раскинулась тень от паруса. Я взглянула вверх: парус вырисовывался на фоне солнечного света – черный квадрат на голубом небе.

Но на гербе, нарисованном на парусине, не хватало полумесяца, который окружал эмблемы Золы. Я сощурилась, пытаюсь разглядеть его. Наклоненный треугольник создавали четкие контуры трех чаек с распахнутыми крыльями. Такого герба я еще не видела.

Раз подняли паруса под новым гербом, Зола точно не хотел, чтобы его узнали в водах Безымянного моря.

Я оглянулась через плечо: Клов уже заходил в каюту рулевого и захлопнул за собой дверь. Сквозь рябую поверхность стекла на окне, выглядывающем на палубу, проглядывалась его белая рубашка.

Я снова прикусила губу, хотя внутри меня все кричало. В ночь, когда затонул «Жаворонок», я знала, что потеряла маму. Но не знала, что потеряла и Клова.

Пять

– Три рифа! – пронесся над кораблем голос Золы, прежде чем он поднялся сквозь арочный проем.

Он расстегнул куртку, скинул ее с плеч и кинул одному из уотерсайдских беспризорников, стоящему у подножия мачты. Зола схватил закрепленный трос, протянувшийся с носа корабля, и забрался на линию наблюдения, осматривая море.

Но мои глаза остановились на Райленде и Уике. Они в напряжении стояли вместе с джевальцами: в них так и бушевала ярость от унижения быть среди них. Явно не рады, что Зола нанял больше ныряльщиков. На самом деле Райленд и Уик кипели от негодования.

– Там, там и там, – Зола провел в воздухе пальцем, рисуя хребет рифов.

Вдалеке виднелся островок в виде полумесяца, наполовину затонувший в воде.

– Фейбл будет руководить погружением.

Я моргнула и обернулась к палубе, с которой на меня уставились суровые взгляды ныряльщиков.

– Что? – рявкнул Райленд, скрестив на груди руки.

Золла не обратил на него внимания и продолжил всматриваться в островок. Порыв ветра растрепал черные с сединой волосы по его грубому лицу, выражение которого я пыталась распознать. Золла сказал, что приказал команде держаться от меня подальше, но сейчас давал им кучу поводов прийти по мою душу.

– Четвертый риф опустошили, но на остальных полно турмалина, палладия и гелиотропа. Может, парочка изумрудов. – Золла спрыгнул на палубу и направился к строю ныряльщиков. – Все, с чем выплывете, будет проверено. А первый ныряльник, который наберет самоцветов на двадцать каратов, получит двойное вознаграждение.

Стоило Золле это объявить, как Кой распрямил спину. Остальные джевальцы взглянули на шкипера с приподнятыми бровями, Уик же крепче затянул пояс и криво ухмыльнулся.

– Мне нужно как минимум триста каратов самоцветов. Заканчиваете завтра с закатом.

– Что? – Кой ступил вперед, едва не закричав.

– Корабли ходят по расписанию, – с презрением взглянул на него. – Ты что-то имеешь против?

– Он прав, – вступилась я. Кой удивился, что я согласилась с ним, но парень сказал правду. – Нам придется непрерывно нырять до захода солнца, чтобы выполнить план.

Золла задумался, достал из жилета часы и со щелчком открыл их.

– Тогда вам стоит поспешить. – Он опустил часы в карман и посмотрел на меня. – Итак, что ты видишь?

Зола отошел в сторону, уступая мне место у борта, но я осталась на месте. Зола вел свою игру, о которой вряд ли кто-то знал на корабле. Это мне не нравилось. Он явно наслаждался происходящим, отчего мне захотелось столкнуть его за борт.

– Что ты видишь? – снова спросил он.

Я стиснула ладони в кулаки, зацепилась за пояс большими пальцами и окинула глазами море. Вода спокойно двигалась вдоль гребня островка, в некоторых местах казалась даже неподвижной и отражала облака.

– Выглядит спокойно. Отбойных течений не видно, но наверняка понять сможем только на месте.

Я стала разглядывать воду по другую сторону хребта. Форма изгиба идеально защищала внутреннюю сторону рифа от течений.

Встретившись со мной взглядом, Зола обошел меня.

– Тогда бери их и вперед.

Парень, держащий куртку Золы, поднес ее, и, накинув куртку на плечи, Зола ушел с палубы, даже не удостоив нас взглядом. Как только за ним захлопнулась дверь, все ныряльщики повернулись в мою сторону. Лицо Райленда стало пунцовым, взгляд посуровел.

По другую сторону грот-мачты молчаливо стоял Клов.

Всего нас было четырнадцать, поэтому логично отправить на каждый риф по четыре-пять ныряльщиков. Я сделала шаг вперед и осмотрела джевальцев. Все отличались друг от друга, но с одного взгляда я могла понять, кто из них плавает быстрее всех. Также нужно разделить ныряльщиков с «Луны», чтобы они ничего не вытворили под водой.

Тактически верным будет поставить Коя во главе одной из групп. Нравится он мне или нет, Кой все же один из самых опытных ныряльщиков, которых я знаю. Он разбирался в драгоценных камнях и рифах. Хотя однажды я дала слабину и

не заметила его, чего впредь не собираюсь допустить.

Подойдя к Райленду, я кивнула на него и рядом стоящего джевальца:

– Вы двое со мной и Коем.

Кой с подозрением выгнул одну бровь. Я не хотела нырять вместе с ним, но раз он на корабле, мне нужно знать, где он и чем занимается.

Остальных ныряльщиков я распределила по группам в надежде, что им удастся восполнить то, чего не хватает у напарников, благодаря разному телосложению. Когда они распределились по палубе, я повернулась к островку и, расстегнув верхние пуговицы рубашки, стянула ее через голову. Встав рядом со мной, Кой задел меня рукой; я замерла и отпрянула в сторону.

– Этот подонок понятия не имеет, что творит, – пробормотал он и провел рукой по зубилам, свисающим с его пояса, подсчитывая их. Инструменты, которые он достал из ящика, блестели между поржавевшими приспособлениями, которыми он пользовался на Джевале.

Я промолчала, проделывая то же самое с собственным поясом. Мы с Коем не друзья. Даже не союзники. Раз он дружелюбен, то на это есть причина, которая мне точно не понравится.

– Что? Не будешь со мной разговаривать?

Я подняла на него взгляд и вздрогнула от растянувшейся на его лице злобщей улыбки.

– Зачем ты здесь, Кой?

Он оперся обеими руками о борт, мышцы заиграли под его кожей.

– Чтобы понырять.

– А еще?

– Это все. – Кой пожал плечами.

Прищурившись, я пристально всмотрелась в его лицо. Кой владел яликом и торговал на Джевале, отчего деньги в его карманах водились каждый день. Скорее всего он самый богатый ныряльщик на острове, и за все время, что я его знаю, Кой ни разу не покидал Джевал. Он точно что-то задумал.

– Да брось, Фей. Мы, джевальцы, должны держаться вместе, – ухмыльнулся он.

Я повернулась к Кою и, встав вплотную к нему, закинула голову назад, чтобы посмотреть в его глаза.

– Я не джеvaleц. А теперь лезь в воду.

– Оборванцы, – пробормотал Уик, обходя нас.

Последовав за ним по пятам, Райленд склонился надо мной и повесил свою рубаху на мачту. Мне пришлось сделать шаг назад, чтобы он не задел меня. Было очевидно, что он задумал. Всем своим видом он хотел показать, кто главный, несмотря на то что ответственным за погружение Зола назначил именно меня. Я не чета ему. На самом деле никому из них. Поэтому никто на корабле не придет мне на помощь в случае чего.

Рядом с ним я почувствовала себя малышкой, отчего у меня сжалось сердце.

– Осторожнее в воде. Течения меняются, – сказал Райленд, но его взгляд остался прежним. Он забрался на борт и прыгнул вниз, придерживая при падении инструменты. Вслед за ним прыгнул Уик, и они скрылись под блестящей голубой гладью.

Кой безэмоционально всматривался в поверхность воды.

– Ты же взгляда от меня не отведешь, да? – Его слова окутал черный юмор, а сам Кой забрался на борт. Я последовала за ним.

Я дождалась, когда он спрыгнет, и, задержав дыхание, оказалась рядом с ним в холодной воде. Россыпь пузырьков побежала по моему телу к поверхности, глаза

защищало от соленой воды, а я крутилась в ней, пытаюсь сориентироваться. Под ногами запутанным лабиринтом извивался риф, который уходил все глубже на дно от островка.

Вокруг хребта скопились косяки разноцветных рыб, ловящих лучи света радужными чешуйками и волнистыми плавниками. Кораллы формировали собой куполы, будто принадлежащие таинственному замку – ничего подобного я не видела. Они слились друг с другом в воде, поэтому для начала работы нужно разъединить их.

Я вынырнула на поверхность, втягивая воздух и вытирая соленую воду с глаз, которая уже окутала все мое горло.

– Начинайте с глубоководья на каждом рифе. Пока есть силы в начале дня, будем нырять там, а на мелководье поработаем вечером. Завтра то же самое, поэтому отмечайте места, где уже были. И осторожнее с южной стороной. Похоже, у края рифа завихряется течение.

Два джевальца кивнули мне в ответ и принялись готовиться к погружению, попеременно втягивая в себя и выдыхая воздух, разрабатывая легкие, сопротивляясь тяге пояса. Кой, завязав волосы, делал то же самое.

Знакомое растяжение под ребрами и опоясывающее дыхание ныряльщиков заставили меня вздрогнуть. Они слишком напоминали мне о погружениях на рифах Джевала и непосильном страхе, одолевавшем меня все эти годы.

Только ступив на борт «Мэриголд», я почувствовала, что страх начал покидать меня.

Я засунула пальцы за ворот рубашки и достала кольцо Уэста. Лежа на моей ладони, оно сверкало на солнце. Мы уплыли далеко от Узкого пролива, и расстояние между мной и «Мэриголд» ощущалось как натянутая нить.

Я выдохнула из легких воздух, а мои мысли осветил янтарный солнечный свет каюты Уэста. На вкус Уэст напоминал рожь и морской ветер, и вспомнив, как из его груди вырвался вздох, когда мои пальцы прикоснулись к ней, я заново прочувствовала ту ночь.

Легкие наполнил последний сжатый вдох, и, запрокинув голову назад, я выдохнула. И, прежде чем образ Уэста смог окутать мое сознание, как течение, я нырнула под воду.

Шесть

Палуба «Луны» переливалась в лунном свете, а мы стояли бок о бок на ветру, насквозь промокшие в соленой воде. Взгромоздившись на стул, Клов взвешивал собранные нами самоцветы и выкрикивал вес каждого камня казначею Золы, который все записывал в открытой на его коленях казначейской книге.

Клов положил на медные весы округлый шершавый гранат, пригнулся и, прищурившись, в свете лампы посмотрел на шкалу.

– Полкарата.

Стоящий рядом со мной Кой довольно хмыкнул.

Меня нисколько не удивляли камни, которые он поднял. Всегда думала, что его обучал кто-то разбирающийся в самоцветах, потому что Кой мог вычислить среди кораллов драгоценные камни и знал, где именно на рифах их больше всего. Совру, если не признаю, что повысила свое мастерство, всего лишь наблюдая, как Кой ныряет. Но два года назад он начал торговать на барьерных островах, отчего ему было больше незачем нырять в отличие от нас.

Сжав челюсти, Райленд огорченно качнул головой. Он даже не был в пятерке лучших по количеству собранных самоцветов. И Уик. Понятно, почему Зола искал нового ныряльщика, когда мы встретились с ним в Дерне.

Кой собрал самоцветов больше чем на семь каратов, да и завтра наверняка не оплошает. Он сильнее меня, с большей силой бьет молотком, поэтому ему приходится меньше раз спускаться под воду, чтобы добыть самоцветы. Нет, я не жалею. Пусть забирает вознаграждение себе. Чем быстрее мы закончим с добычей камней, тем быстрее я вернусь в Узкий пролив и отыщу «Мэриголд».

– Сушитесь, ужин готов. – Клов встал со стула и передал весы казначею. – Фейбл, – проговорил он, не смотря на меня, и кивнул в сторону арочного проема, указывая следовать за ним.

Я закинула на плечо пояс и пошла за ним к крытому проходу, который в два раза превышал проход на «Мэриголд». На палубе и вдоль стен были закреплены верстаки, за которыми чистили рыбу три матроса. К счастью, рыбную вонь перебивал запах дыма, тянувшийся из каюты рулевого.

В каюте над стопкой карт сидел Зола, который даже не удосужился поднять взгляд на Клова, когда тот положил на стол казначейскую книгу. Между балок над нашими головами петлял аромат коровяка, добавленного в трубку Золы. На секунду мне показалось, что с нами в кабине находится Сейнт.

Зола закончил писать и, отложив перо, принялся читать казначейскую книгу.

– И? – Он перевел взгляд со страницы на меня.

Я вытаращила на него глаза.

– И?

– Мне нужен отчет о погружении. – Зола откинулся в скрипучем кресле и достал зажатую между зубов трубку. Он вытянул ее перед собой – лепестки медленно тлели в табачной камере, выпуская в воздух слабый дымок.

– Он там, – прошипела я, а взгляд упал на открытую книгу.

Зола усмехнулся.

– Погружением руководила ты. – Он придвинул книгу ко мне. – Так что рассказывай.

Я взглянула на Клова, не понимая, чего хочет Зола. Но он смотрел на меня, будто бы ожидая того же ответа. Я сделала глубокий вдох, сжала недовольно челюсти, отступила от стола и скинула с плеч пояс. Он с грохотом упал на пол, инструменты задребезжали.

– Ладно. – Взяв книгу, я вытянула ее перед собой. – Двадцать четыре карата изумрудов, тридцать два с половиной карата турмалина. Двадцать пять с половиной карата зеленого абалона, тридцать шесть каратов кварца и двадцать восемь каратов гематита. Также три осколка опала, но от них никакой ценности. Могут помочь в торгах, но денег за них не получишь. – Я захлопнула книгу и бросила ее на стол.

Золотой смотрел на меня сквозь дымок, поднимающийся из трубки из китовой кости.

– Как они в деле?

– Нырять-то? – нахмурилась я.

Он кивнул.

– Только что рассказала.

Золотой уперся локтями о стол и распрямил спину.

– Мне интересно, как они в деле. Какие-нибудь проблемы?

Я бросила на него раздраженный взгляд.

– Ты платишь мне за руководство погружением, а не за отчеты о ныряльщиках.

Золотой задумчиво поджал губы. Затем открыл ящик слота и выставил на карты мешочек. Достал из него пять медяков и положил их передо мной.

– Теперь плачу за все.

Его губы растянулись в улыбке, глаза заблестели. Он продолжал вести свою игру, но я все еще не разобралась в ее правилах.

От доносов на ныряльщиков меня точно стянут с гамака посреди ночи и выбросят за борт.

– Нет уж, спасибо, – категорично ответила я.

Краем глаза мне показалось, что Клов переступил с ноги на ногу, но его ботинки так и не двинулись с места.

– Ладно. – Зола неохотно согласился и отодвинул кресло. – Завтра поднимаете в два раза больше собранного сегодня.

– В два раза? – Слова слишком громко вырвались из рта.

И Зола это заметил. Подняв брови, он изучал мое лицо.

– В два раза, – повторил он.

– Ты не это обещал. Мы точно не выполним норму.

– До этого я не знал, что погружением будет руководить такая опытная ныряльщица. Не думал, что вы поднимете столько за день. – Зола довольно пожал плечами.

– Невозможно, – повторила я.

– Тогда никто из вас не вернется в Узкий пролив.

Я стиснула зубы в попытке сохранить спокойствие. Самой ужасной ошибкой будет позволить ему раззадорить меня. Я должна вернуться на свой корабль. Важно только это.

Я оторопела: когда «Мэриголд» стала моим кораблем? Моим домом?

Но если мне не получится взять контроль над ситуацией, то на корабль я больше не попаду.

– Я знаю, что ты задумал.

– Да?

– Ты бросил меня в каюту к экипажу, хотя они прекрасно знают, что произошло с Крейном. Поставил меня во главе погружения, а не кого-то из своих ныряльщиков. Хочешь, чтобы вместо тебя со мной кто-то расправился еще до того, как мы приплывем в порт.

– Так ты видела, как Уэст убил Крейна. – Зола приподнял бровь от моего признания. – Не подумал бы, что ты убийца. И поставить тебя во главе решил не я. – Он обратил взгляд на Клова.

У Золы и Клова времени в обрез. Мешкать нельзя. А я дочь Сейнта. Но если они хотят с помощью меня отомстить отцу, то зачем увозить меня из Узкого пролива? Значит, во мне было что-то еще более ценное.

Клов знал, что я разбираюсь в драгоценных камнях, и впервые я обдумала возможность, что именно поэтому я на их корабле. Не только нырять, но и находить нужные самоцветы, которые для чего-то им были нужны.

– Что ты собираешься делать с ними? – я обратилась к Золе, но мой взгляд был прикован к Клову.

Зола едва заметно улыбнулся.

– С чем?

– Почему корабль, у которого есть лицензия на торговлю в Узком проливе, плывет под парусами с поддельным гербом и без разрешения вычищает рифы в Безымянном море?

Его голова склонилась набок, взгляд изучал меня.

– Ты избавился от товара, ушел со своего курса, и всем прекрасно известно, что самый крупный торговец самоцветами в бастианских водах охотится за твоей головой.

– И?

– И напрашивается вопрос: что ты собираешься делать с тремястами каратами драгоценных камней?

Зола перевернул трубку и, постукивая, вытряхнул пепел в бронзовую миску, стоящую на краю стола.

– Присоединяйся к команде, и тогда, возможно, расскажу. – Он встал и начал сворачивать карты.

Я испепелила его взглядом.

– А тебе-то что? Будто ты не станешь менять одного шкипера на другого.

– Уэст совсем не похож на тебя, – парировала я.

Зола едва сдержал смех.

– Похоже, ты совсем не знаешь своего рулевого, – цокнул он.

По спине пробежал холодок. Это же сказал Сейнт, когда мы виделись в Дерне.

– Фейбл, прости, что я вестник плохих новостей, но Уэст пролил достаточно крови, чтобы покрасить «Мэриголд» в красный цвет.

– Ты лжешь.

Зола поднял руки в воздух, притворно сдаваясь, и, обойдя письменный стол, сел за обеденный.

– Уверена, что не хочешь поужинать со мной? – Поднятая Золой вилка зубчиками стукнулась о край тарелки, а не его лицо вернулась мерзкая и жуткая улыбка.

Я подняла пояс и прошла к двери. Клов не пропускал меня, отчего мне пришлось остановиться вплотную перед ним. Не проронив ни слова, я всем телом излучала к нему ненависть. Она захлестывала его волнами, и наконец его губы дернулись. Клов отступил, и, потянувшись к открытому замку, я распахнула дверь, которая

с грохотом ударилась о стену.

Я затянула на талии пояс и стала подниматься на квартердек, где, свесив с кормы ноги, сидел Кой. Его ладони сжимали миску горячей похлебки, волосы, раскинувшись волнами по спине, сохли. Увидев меня, Кой нахмурился.

Не знаю, что привело Коя на «Луну», да и мне все равно, но в одном я точно могла на него положиться. Я наступила на задник ботинка, чтобы стянуть его.

Кой опустил ложку в миску.

– Какого черта ты творишь?

Я перепроверила инструменты, проверяя пальцами каждый наконечник зубил.

– Мы должны собрать до завтрашнего заката в два раза больше сегодняшнего. Только в этом случае нам заплатят.

Кой напрягся и перевел взгляд с меня на воду.

– Ты возвращаешься?

Сияла почти полная луна, а ее тусклый свет отражался от ряби на спокойном море. Пока небо не затянет облаками, я смогу нырять на мелководье и доставать самоцветы из ближайших к поверхности кораллов. Дело будет продвигаться медленно, но за день мы точно не успеем выполнить установленную Золой норму.

Кой не двинулся с места, и я попыталась снова:

– Думаю, что к рассвету смогу осилить двадцать каратов.

Он оценивающе взглянул на меня – темные глаза сияли – и, тяжело вздохнув, поднял с палубы пояс. Через мгновение мы подошли к борту, с верхней палубы за нами наблюдал Райленд.

Кой посмотрел на него поверх моей головы.

– Ты же наблюдаешь за ним? – пробормотал он на выдохе.

– Еще как, – проговорила я. Как только опустили якорь, каждый раз на палубе я чувствовала на себе взгляд Райленда, и все больше убеждалась, что команда не будет постоянно выполнять приказы Золы, так что живой с корабля мне не сойти.

Холодный воздух окутал меня, когда я прыгнула и погрузилась в воду, ощущая болезненную усталость в мышцах ног. Кой вслед за мной оказался в воде, и мы молча стали набирать в легкие воздух. Над горизонтом медленно, но верно поднималась молочная луна.

– Сказала же, что ты не джевалец, – проговорил Кой, разорвав молчание между нами.

– Так и есть, – бросила я.

Он многозначительно приподнял бровь, ухмылка изменила выражение его лица. Никогда не признаю этого, но искренняя часть меня знала, что он имеет в виду. Сумасшествие возвращаться в темные воды после целого дня погружений. На такое способен только джевалец. Поэтому-то я была уверена, что Кой присоединится ко мне.

Нравится это мне или нет, но все эти годы Джевал гравировал частички моей души. Он изменил меня. В какой-то степени сделал меня той, кто я есть.

Прочитав мои мысли, Кой усмехнулся и подмигнул мне, прежде чем исчезнуть под поверхностью воды. Выдохнув, я последовала за ним.

Семь

Надо мной промелькнула тень Коя, когда я, подняв в воде молоток, ударила им по зубилу. Жжение в груди больше не чувствовалось, поскольку вся голова была

забита непрекращающимся потоком мыслей. Пока мои руки отточенно трудились над залитым солнечным светом кораллом, воспоминания сшивались друг с другом невидимыми нитями.

Я ныряла в соленых водах Безымянного моря, но в мыслях стояла босиком на палубе «Мэриголд». На грот-мачте в окружении стаи чаек восседал Остер. Пряди волос Уиллы сияли как золото в солнечном свете.

Уэст.

Мои мысли вновь и вновь возвращались к нему.

Но из моих ослабевших пальцев выпал молоток, я моргнула, и вдруг ко мне начал резко приближаться риф. Перед глазами оказалась только синева моря, тело закрутило течение, вот-вот готовое затянуть меня в пучину. Я уцепилась за железный якорь, вогнанный в риф, и зажмурилась. Меня отрезвил стук от удара стамески Коя о хребет рифа – мне нужен воздух. Кой замер и, взглянув на меня поверх щупалец красного коралла, вернулся к работе. Наверное, Кой ничего так не желает, как увидеть мою смерть на этом рифе.

Я засунула молоток в пояс и, оттолкнувшись от выступа, поплыла наверх. Риф и ныряльщики стремительно уменьшались подо мной, пока я не вынырнула на поверхность и жадно не втянула в себя воздух. Меня ослепило солнце, возвышающееся надо мной в зените, но, пытаясь отдышаться, я совсем не ощущала его тепла. Кожа была ледяная, кровь медленно перемещалась по венам.

Из-за борта «Луны» выглянул Клов и, бросив на меня взгляд, быстро исчез. Я сощурилась, думая, что может быть он мне просто показался. Солнце сияло слишком ярко, а от его слепящих лучей у меня начинала раскалываться голова.

Ночь выдалась бессонной: я ныряла до кромешной темноты, пока риф совсем в ней не скрылся. Мне удалось поспать всего пару часов, прежде чем на палубе зазвонили в колокол, и как только солнце выглянуло из-за горизонта, я снова оказалась в воде.

Зацепившись одной рукой за веревочную лестницу, я отвязала от пояса мешок дрожащей рукой. Как только он оказался в свисающей с судна корзине,

уотерсайдский беспризорник потянул ее наверх для дальнейшего подсчета Кловом.

Я задержалась на месте, втягивая в себя воздух в попытке набрать сил в свои слабые руки. Нужно согреть тело, чтобы нырять дальше и, наконец, вызволить гелиотроп. Еще три удара зубилом, и он будет моим.

За спиной раздался всплеск, я обернулась и увидела на поверхности Райленда – его мощная грудь втягивала в себя в воздух с таким звуком, будто завывал ветер. Он тяжело дышал, но вскоре дыхание восстановилось, и Райленд повернулся лицом к солнцу.

Он поплыл к кораблю и уложил свой мешок в другую корзину, которая моментально, оставляя за собой ручейки воды, стала подниматься на борт. Матрос у борта достал его мешок и, подбросив его в воздух, оценил вес собранного.

– Маловато, Райленд, – рассмеялся он.

Райленд натянуто улыбнулся парню, лицо покраснело. Одно – знать, что другие ныряльщики лучше тебя. Другое – когда об этом знает вся команда. Интересно, его нахождение на «Луне» ставится под сомнение так же, как и мое?

Его разъяренный взгляд нашел меня, но я отвернулась и крикнула на корабль:

– Мне нужна веревка! – Я прохрипела от того, что все горло пересохло от соли.

Появившись снова у борта «Луны», уотерсайдский беспризорник кивнул мне, я прижалась лбом к мокрым веревкам и закрыла глаза. Живот болел от того, что я наглоталась морской воды, а на руках вскрылись мозоли. Но раз я хотела вернуться в Узкий пролив, то этот «улов» не должен быть и на карат меньше прошлого.

Рядом со мной рухнула веревка, и, закинув ее на плечо, я отпустила лестницу. Грудь горела, когда я вдохнула, ушибленные конечности кричали от боли. Еще одно погружение. Потом отдохну. Поднимусь на корабль и на залитой солнцем палубе расслаблю свое дрожащее тело.

Я сделала последний глубокий вдох и нырнула под воду, совершенно не двигаясь, чтобы тело медленно опустилось вниз и не потеряло последние силы. Кой снова поднимался на поверхность, стремительно перебирая ногами, оставляя за собой поток пузырьков. Как только мои ноги коснулись рифа, его силуэт едва просматривался в солнечном свете.

Парящие в воде щупальца розового коралла устремились к ямкам на рифе, распугивая рыб. Я опускалась все ниже, пытаюсь отыскать железный якорь. Жжение в горле подсказывало, что воздуха мне надолго не хватит. Тело слишком устало, чтобы правильно его контролировать, но я смогу сберечь силы, если привяжу себя к рифу. В такой момент мама бы точно приказала мне выбираться из воды. И я ее послушаю. Как только заполучу гелиотроп.

Просунув один конец веревки через скобу якоря, я завязала его на узел, а другой обернула вокруг талии. Веревка огрубела от соли, отчего вряд ли развяжется.

Наполовину высвобожденный камень по цвету напоминал высушенные на пляже под солнцем водоросли и сиял, выступая из-под камня. После занятий с мамой первым я начала различать голос гелиотропа, напоминающий мягкий напев знакомой мелодии.

Она говорила, что такие самоцветы достаются из рифа только с любовью. Они не пойдут в руки кому попало.

Я достала из пояса молоток и выбрала самое большое зубило. Если бы у меня было побольше времени, то я бы использовала инструменты поменьше, чтобы не повредить края самоцвета, но пусть Зола довольствуется тем, что есть.

Я устроилась поудобнее и начала быстро стучать по краю, и когда меня окружил неприятный скрежет камня, я обернулась и взглянула на риф. Ныряльщик, работающий с Райлендом, оттолкнулся от выступа и поплыл к поверхности.

Я снова ударила зубилом: надломилась базальтовая корка, и меня окружила взвесь камня. Я дождалась, когда она опустится на морское дно, чтобы подплыть поближе и рассмотреть края самоцвета. Он больше, чем я думала, и испещрен неровной багряной полоской.

Снова раздался скрежет, и я выглянула из-за хребта на риф. Пусто. Я едва замечала покалывания на онемевшей коже, а в глубине сознания не успела проскочить мысль, как что-то потянуло меня за бедро.

Меня закружило в воде, рука сжимала зубило как нож, и, почувствовав распространяющееся в воде тепло его тела, я раскрыла рот. Райленд. Он дернул меня за ремень, просовывая свой нож между моими инструментами и бедром. Ремень разорвался и упал на морское дно, я же дернулась и попыталась отбиться от него, но он ухватился рукой за мое горло и прижал меня к рифу.

Я царапала его пальцы и, изворачиваясь, кричала под водой – в мою ногу впился острый коралловый выступ. Райленд посмотрел на меня, наблюдая, как из моего рта пузырями вылетает воздух. Тело пронзило резкое чувство страха, отчего онемевшая кожа пришла в чувство, а к лицу прилила кровь.

Он ждал, когда из моих легких выйдет весь воздух. Пытался утопить меня.

Я сжала губы, умоляя сердце успокоиться, прежде чем легкие сожгут оставшийся кислород. Райленд навалился на камень, удерживая меня под своим весом. Никакое брыканье не сдвинет его с места. Я окинула взглядом воду над нами в поисках тени. В поисках кого-нибудь, кто увидит нас. Но от поверхности только отбрасывал блики солнечный свет.

Взгляд Райленда метнулся в сторону рифа. На мгновение усилив хватку, он вдруг отпустил меня и оттолкнулся от выступа. Я смотрела, как он исчезает надо мной, и, отпрянув от камня, стала как можно быстрее пробираться сквозь воду. Перебирала ногами и всматривалась в расстилающий на поверхности воды солнечный совет, пока мрак собственного разума пробирался наружу.

Еще двенадцать метров.

Движения рук замедлились, с каждым сердцебиением вода все сильнее давила на тело.

Девять метров.

Рывок остановил меня: руки и ноги выбросились вперед, рот раскрылся, и в горло ворвалась холодная вода.

Веревка. Она все еще завязана на талии и зацеплена за якорь.

В испуге я закричала. Последние пузырьки воздуха вырвались наружу, когда я поспешила развязать узел, слабо дергая пальцами тугое волокно. Веревка не поддавалась, я потянулась за спину за ножом. Но его не было. Мой пояс лежал у подножия рифа.

Мрачные мысли заполнили разум, грудь осела, внутри завязался узел. Я попыталась стянуть веревку через бедра, но толку не было. Внизу, на рифе, показалась темная голова, и на меня взглянули черные глаза Коя.

Передо мной лентой извивалась кровь, окутывая меня, как дым, и я почувствовала неожиданную легкость. Опустошение. Пропала боль в груди, отчего внутри образовалась дыра.

В ушах отзывалось только мое сердцебиение, я опустила взгляд на ногу – большой кровоточащий порез. Меня окутала тень, ворвавшись в мое сознание, и вскоре полностью поглотила меня.

Восемь

– Дыши!

Из темноты меня вытянул громогласный голос. На щеке защипал порез, из горла вырвался хрип.

– Дыши!

Глаза приоткрылись: передо мной оказалось лицо мужчины, окинутое тенью корабля. Я едва узнавала это лицо. Матрос. Его взгляд пробежался по моему бездвижному телу. Я даже не могла сделать вдох.

Поднявшись из воды, его рука разрезала воздух и ударила меня по лицу. Грудь разорвала боль, я резко втянула воздух, давясь морской водой, наполнявшей мой рот. Расплывчатый мир снова слился в единое целое, и мое зрение восстановилось, наполняя меня чувством паники. Я кинулась к висящей рядом веревке и зацепилась за нее, чтобы держаться над водой.

– Поднимай ее! – в ушах болезненно отозвался голос матроса.

Вдруг я начала двигаться. Механизм на палубе «Луны» со скрипом поднимал меня, а под весом собственного тела я съезжала все ниже по мокрой веревке, пока не обхватила ее ногами.

Я подняла взгляд вверх: с четвердека наблюдал Клов. Вдруг он съежился, отчего я оторопела. На палубе я закашляла с болью в легких, спускаясь через две ступени сразу, ко мне подбежал Клов.

– Что случилось?

Но у меня не было сил ответить. Я упала на колени, и меня стало рвать соленой водой. По доскам растеклась красная лужа, задев мою руку, и я оглянулась на ногу, вспомнив о крови в воде. Рана все еще кровоточила.

Я с трудом откинулась и притронулась к разорванной коже, чтобы рассмотреть рану. Порез не очень глубокий – кости не видно – но зашивать придется. Меня снова накрыла тошнота, и, упав на раскаленную палубу, я запустила пальцы в волосы, пытаюсь вспомнить, что произошло.

Вокруг меня, вытаращив глаза, столпился экипаж «Луны», но Райленда нигде не было. Наверное, он дрожал от страха на рифе и ждал, что я донесу на него.

Вскоре на борт перебрался Кой, тяжело спрыгнув на палубу у фок-мачты.

– Что случилось? – повторил Клов, ступая к парню.

Но Кой смотрел на меня, и в его взгляде я прочитала вопрос. Он играл по правилам Джевала, ожидая моего ответа, чтобы затем ответить самому.

– У меня закончился воздух, – прохрипела я. Горло горело. – Потеряла пояс и не смогла отрезать веревку, которой привязала себя к рифу. – Я снова взглянула на Коя.

Клов проследил за моим взглядом, его усы дернулись.

– Кто видел? – Он обернулся по кругу, всматриваясь в лица остальных ныряльщиков на палубе. Но все молчали.

– Какая тебе разница? – рявкнула я, вставая на ноги, и осмотрела себя, опершись на бизань-мачту и едва сдерживая рвотный позыв.

Меня притягивала к палубе завязанная на поясе веревка, которая тянулась до борта и исчезала в воде. Я потянула ее, скручивая, пока конец не показался на палубе, и нагнулась, чтобы поднять его. Волокно перерезано ровно, без обтрепанных краев.

Такое можно сделать только ножом.

Я встала, сжимая в руке веревку, и взглянула на нос корабля. Глаза Коя опустились вниз, он развернулся и стал завязывать на теле пояс. Последнее, что я видела – его лицо, выглядывающее с рифа. Если бы я была глупа, то решила бы, что это он разрезал веревку.

Вытащив нож из пояса стоящего рядом ныряльщика, я начала надрезать им, как пилой, веревку. Из трюма поднялся старпом, держа в одной руке крошечную коробку с иглой и нитками, а в другой – бутылку виски.

Он протянул ко мне руку, пытаясь успокоить меня, но я отдернулась от него.

– Не трогай меня! – прорычала я, схватила вещи из его рук и бросилась к арочному проему.

Я чувствовала прикованные к моей спине взгляды команды, когда стала спускаться по лестнице, опираясь на стену, чтобы удержаться на ногах. Сняла с крючка фонарь и направилась по проходу к грузовому отсеку, и как только меня скрыла темнота, глаза обожгли слезы. Я втягивала носом воздух, стараясь

ослабить боль в груди. Не позволю им увидеть мои слезы.

Ногу терзала острая боль, но наложу пару швов, и все будет в порядке. Главное, что я смогу дальше нырять, потому что видела ранения и похуже.

Я закрыла дверь, села на пустой ящик и, пододвинув к себе фонарь, откупорила виски. Сделала глубокий вдох и на выдохе плеснула виски на рану. Жжение резко пронзило ногу, затем живот, вдруг закружилась голова, и меня снова начало тошнить.

Я поднесла бутылку к губам и сделала глоток – в груди растеклось тепло. Еще несколько секунд под водой, и я бы больше ни разу не вдохнула. Не проснулась.

Проход за дверью окутали тишина и темнота. Я уставилась на пол, пытаюсь вспомнить, что же я видела. На рифе были только Кой и Райленд. Желание во взгляде Райленда, когда он схватил рукой мою шею, было прекрасно понятно. Он хотел убить меня.

Значит, Кой перерезал веревку. Он спас мне жизнь. Но такого просто не могло быть.

Дрожащими руками я продела нитки в иголку и сжала пальцами самый глубокий порез на ране. Игла пронзила кожу с небольшой болью, и я обрадовалась тому, что от холода почти не чувствовала ее.

– Сквозь и вверх. Снова сквозь, – губы беззвучно произносили слова, пока я работала рукой, а с кончика носа падали слезы.

Клов научил меня зашивать раны, когда я была ребенком. Тогда он зацепился за захватный крюк и, заметив, как я подглядываю за ним на четвердеке, заставил сесть рядом с собой и учиться.

– Снова сквозь, – прошептала я.

Казалось, что грузовой отсек сжимается, отчего в темноте я чувствовала себя совершенно ничтожной, а в памяти всплыло одно яркое воспоминание. Отец на палубе. Мама раскладывает передо мной на столе драгоценные камни.

Какие ненастоящие?

Когда я впервые различила их, она подняла меня на грот-мачту, и мы закричали попутному ветру.

Я отрешенно смотрела в темноту, наблюдая, как в полумраке мелькает ее тень. С палубы спустилась ее фигура, мерцающая, как пламя в фонаре. Призрак. На мгновение мне показалось, что и я им стала. Что я оказалась между мирами, где меня ожидала Изольда. Что, возможно, я так и не выбралась из воды. Что я захлебнулась ледяной водой.

Тогда мне захотелось к маме. Так, как я желала быть с ней каждый раз, когда просыпалась от кошмара. Годы, проведенные на Джевале, закалили меня, чего и хотел Сейнт. Теперь меня нелегко сломать. Но я сидела, зашивая ногу, с губ срывался тихий плач, и я почувствовала себя маленькой. Хрупкой. И одинокой.

Сделав несколько ровных вдохов, я сжала в руке кольцо Уэста. Прошло шесть дней, как я сошла с «Мэриголд» в Дерне. Пять ночей после последней ночи в его кровати. Уилла, Падж, Остер, Хэмиш. Их лица туманно светились в моей памяти. Их преследовал Сейнт. Я сглотнула, вспомнив его с чашкой чая в руке в таверне в Дерне. Готова отдать что угодно, чтобы снова увидеть его в тот день. Даже такого бесчувственного. Даже такого жестокого.

Я перевязала последний шов и полила виски на рану, рассматривая результат. Да, зашила неровно, останется неприятный шрам, но что поделать.

Встав, я бросила бутылку, которая покатилась по грузовому отсеку, взяла фонарь и подошла к двери. Приподняв подбородок, открыла ее и ступила в пустой проход. Когда я поднялась на палубу, у штурвала за мной с широко распахнутыми глазами наблюдал матрос, от чьего голоса я очнулась.

Я пихнула в его руки фонарь.

– Мне нужен новый пояс.

Он был сбит с толку.

– Пояс, – нетерпеливо повторила я.

Матрос медлил, поглядывая на Клова, который, взгромоздившись на стул, взвешивал камни. Могу поклясться, что он ухмыльнулся, прежде чем одобрительно кивнуть матросу.

Парень бросился в трюм, оставив меня дрожать на ветру. С моих волос все еще стекала морская вода, падая на палубу около ног. Когда я подняла взгляд, на меня с носа корабля смотрел Кой, доставая из ящика новое зубило.

Я прошагала к нему, пытаюсь не хромать.

– Зачем ты это сделал?

– Сделал что? – Он засунул зубило в пояс.

– Ты... – сбивчиво начала я, – ты перерезал веревку.

Кой рассмеялся, но смех оказался неестественным.

– Ты понятия не имеешь, о чем говоришь.

Я сделала шаг к нему и понизила голос:

– Да, перерезал.

Кой осмотрел палубу и затем, возвышаясь надо мной, встретился своими темными глазами с моими.

– Я не перерезал веревку.

Он ушел, задев меня плечом, и вернулся парень с поясом, забитым инструментами. Я обернула его вокруг тела и туго затянула пряжку. Палубу поглотила тишина, когда я встала на лебедку, которой опускали якорь, и держалась на одной ноге на краю корабля. Удерживаясь на ветру, я глянула вниз, на покрытую рябью синеву. И прежде чем успела передумать, прыгнула.

Девять

Слышимый вдалеке звон портового колокола вытянул меня из-под покрывала сна, окрашенного крылатыми парусами цвета меда и постукиванием подвешенных на ветру глаз Бога.

Перед глазами зияла темнота.

В каюте стояла тишина, которую изредка нарушали храп и скрип сундуков – «Луна» замедляла ход. Я присела, откинула с ног покрывало и, коснувшись пальцами пола, принялась отчаянно искать ладонью нож.

Я не собиралась засыпать. До последнего наблюдала за гамаком Райленда, пока не он не перестал качаться надо мной, и, несмотря усталость в глазах и боль в теле, я была полна решимости не спать: вдруг Райленд захочет закончить начатое.

В противоположной стороне каюты спал Кой, свесив одну руку с парусины так, что она почти касалась пола. Я встала, втягивая в себя воздух, чтобы заглушить боль в ноге, и ощупала половицы в поисках ботинок. Натянув их на себя, открыла дверь и проскользнула в проход.

Опираясь рукой на стену, я добралась до лестницы и взглянула на лоскуток серого неба.

Когда я ступила на палубу, голос Золы уже раздавал приказы. Тело задрожало от пронизывающей воздух прохлады, отчего я обняла себя руками. «Луну» окутал такой густой белый туман, что моя кожа чувствовала на себе его нежное прикосновение.

– Медленно, медленно! – прокричали в тумане голоса. Клов склонил голову, прислушиваясь, и слегка повернул штурвал.

Я подошла к борту, рассматривая завихряющуюся туманную пелену. Уже доносились голоса докеров, но пристань показалась только тогда, когда мы

оказались в полуметре от нее. Как минимум двенадцать пар рук тянулись к кораблю, чтобы поймать груз, пока он не поцарапался.

– Вот так! – снова прокричал голос, и корабль замер, в воду с громким шлепком упали оба якоря.

Клов обошел меня, чтобы опустить лестницу, и вскоре появился Зола, за которым по пятам бежал казначей.

Видны были только черные и тонкие гербы на крышах, торчащие в тумане, как камыши в болоте. Но ни один из них не был мне знаком.

– Где мы? – спросила я, ожидая, что Зола посмотрит на меня.

Он размеренно натянул перчатки, натягивая кожу, пока она не обтянула каждый палец.

– Пойма Сегсей.

– Пойма Сегсей? – Мой голос стал громче, я повернулась к нему: – Ты сказал, чтобы мы вернемся в Узкий пролив.

– Не говорил.

– Да, говорил.

Он склонился к бизань-мачте, спокойно окинув меня взглядом.

– Я сказал, что мне нужна твоя помощь. А мы еще не закончили.

– Я подняла эти самоцветы за два дня! – прорычала я. – Мы выполнили норму.

– Ты подняла самоцветы, а теперь пора их обработать, – бросил он.

Я чертыхнулась. Вот почему мы приплыли в Пойму Сегсей. Камни собирались отдать на чистку и огранку, чтобы подготовить к продаже.

– Я на это не соглашалась.

– Ты вообще ни на что не соглашалась. Ты на моем корабле и будешь выполнять каждый приказ, если хочешь вернуться в Серос. – Зола склонился ко мне, ожидая, посмею ли я поспорить с ним.

– Подонок! – прорычала я сквозь зубы.

Он перекинул ногу за борт, зацепился ботинком за веревочную лестницу и стал спускаться.

– Ты со мной! – прогремел рядом со мной голос Клова.

Я обернулась.

– Что?

Он сунул мне в руку запертый ящик и махнул рукой к борту.

– Ты идешь со мной, – снова повторил он.

– Я никуда не пойду с тобой.

– Можешь остаться на корабле с ними. – Клов кивнул в сторону квартердека, откуда за мной наблюдали несколько членов команды. – Тебе решать.

Я вздохнула и посмотрела на туман. Раз на борту нет никого, кто проследит, что приказы Золы исполняются, то не знаешь, что может случиться. Да, Кой спас меня один раз, но что-то подсказывало мне, что больше он так не поступит, особенно если нам будет противостоять весь экипаж.

По взгляду Клова стало понятно, что у меня нет выбора.

– Куда мы идем?

– Нужно, чтобы ты удостоверилась, что торговец ничего не провернет с самоцветами. Не доверяю я этим солтбладцам.

Я потрясла головой и недоверчиво ухмыльнулась. Он хочет, чтобы мастер драгоценных камней удостоверился в том, что торговец не подсунет им фальшивые камни.

– Я не моя мать. – Изольда начала учить меня мастерству самоцветных дел перед своей смертью, но чтобы достичь ее мастерства, мне потребуются долгие годы обучения.

Выражение лица Клова изменилось, отчего я крепче сжала пальцами ручки ящика.

– Лучше, чем ничего, – изменился и его голос. Интересно, его задело упоминание о моей матери?

И я не упустила момент, чтобы добавить:

– Изольда ненавидела бы тебя сейчас, знаешь же? – Я сделала шаг к нему.

Я посмотрела в его глаза – Клов даже не моргнул, – и меня наполнила смелость, вызванная упоминанием ее имени. Не только он беззащитен под силой воспоминаний об Изольде. Они, как змея, обвили меня и сжимали.

Руки Клова скользнули в карманы куртки.

– Спускайся на причал. Сейчас же.

Я ненадолго остановила на нем свой взгляд, прежде чем сунуть ящик обратно в его руки и натянуть на голову капюшон куртки. Молча я перелезла за борт и спустилась по лестнице к докерам. Зола стоял на краю причала перед капитаном порта, разворачивая перед ним пергамент с поддельным гербом, отпечатанным в углу. Я внимательно наблюдала за мужчиной: заметит или нет? Плавать под поддельным гербом – преступление, за которое любому запретят ступить на борт корабля до конца жизни.

Капитан порта что-то записал в своем журнале, перепроверив документ, прежде чем закрыть книгу.

– Не нравятся мне корабли, которые приходят не по расписанию, – проворчал он.

– Мы не задержимся. Только возьмем припасы перед отплытием в Бастиан, – вежливо и спокойно ответил Зола.

Капитан порта был готов возразить, но Зола достал мешочек из кармана куртки и вытянул его перед ними. Капитан оглянулся через плечо на причал и, не проронив ни слова, молча забрал его.

Рядом со мной оказался Клов, Зола кивнул ему, и Клов направился к деревне. Я поспешила за ним, петляя между мелкими торговцами и корабелями, пока мы не вышли на улицу.

Выложенные брусчаткой дороги были ровными и широкими, в отличие от Сероса, но, более того, они были чистыми. Ни пятна грязи или груды разбросанных припасов на улицах, и каждое окно в доме блестело.

В свете солнечных лучей туман начинал рассеиваться, и я поднимала взгляд на краснокирпичные здания. Какая же знакомая обстановка: мы вдвоем. Но мне совершенно не хотелось замечать ее.

Я почти ничего не знала о портовом городке Пойма Сегсей, кроме того, что отец был здесь пару раз, когда Торговый совет Узкого пролива встречался здесь с Торговым советом Безымянного моря. Тогда он умасливал каждого, чтобы достать торговую лицензию для этих вод. Наверное, он заполучил ее, сделав что-то незаконное, но в итоге все равно обрел то, что хотел.

Клов расталкивал плечами толпу, я не отставала от него, следуя по пятам. Казалось, он определенно знает, куда идет: огибал один поворот за другим, не обращая внимания на рукописные указатели, обозначающие улицы и переулки. Когда Клов наконец остановился, мы оказались у круглого рифленого окна. Стеклашки соединялись друг с другом как пазл и отражали видневшуюся за нами синеву неба.

Клов зажал ящик под мышкой и потянулся к латунному дверному молотку. Его стук эхом отозвался вокруг нас, но за дверью стояла тишина, а в окне не было огня. Стоило Клову постучать еще раз, как дверь внезапно открылась.

Перед нами стояла маленькая женщина в потертом кожаном переднике. Ее лицо было пунцовым, а ко лбу прилипли пряди темных волос.

– Да?

– Хотим обработать камни, – напрямую сказал Клов.

– Хорошо. – Она раскрыла дверь и достала пачку бумаги из кармана передника. Сморщив нос, она поправила очки.

– На этой неделе у нас немного времени.

– Они мне нужны сегодня.

Женщина замерла и, взглянув на него поверх очков, рассмеялась.

– Невозможно! – Мы промолчали, а она уперлась рукой в бок. – Послушайте, у нас есть график...

– Понимаю. – Клов уже потянулся к карману куртки. Он достал мешочек внушительных размеров и протянул его женщине. – За беспокойство. – Ее глаза сощурились, и Клов еще ближе протянул мешочек. – Конечно же, в дополнение к оплате.

Казалось, она обдумывает предложение – уголок рта дергался в сомнении.

Этот мешочек был одним из немногих, которые Клов и Зола доставали из карманов, и я начинала полагать, что Зола поставил все свое состояние на эту авантюру. Он явно спешил и испытывал судьбу. Для чего нужно было нырять два дня и так спешно обрабатывать самоцветы в Пойме Сегсей? «Луна» ходит под поддельным гербом, да и все документы, с помощью которых он добрался до порта, – подделки. Из-за чего он готов рискнуть своей торговой лицензией?

Женщина замешкала на мгновение, но все-таки взяла мешочек и исчезла в дверном проеме. Взобравшись по ступеням, Клов последовал за ней, а я закрыла за нами дверь.

В это же мгновение воздух пронзил ропот самоцветов. Гулкое эхо сердолика и звонкая песнь янтаря. Низкое и равномерное жужжание оникса. Звуки давили на меня, как давление воды.

Женщина провела нас в маленькую гостиную, освещенную большим окном.

– Чаю? – Она сняла через голову передник и повесила его на стену. – Придется подождать.

Клов кивнул в ответ, и она открыла раздвижную дверь, за которой в мастерской за деревянным столом сидел мужчина.

– Нужно поторопиться. – Женщина кинула на деревянный стол мешочек, и, подняв глаза, мужчина бросил на нас взгляд сквозь открытую дверь.

Склонившись над столом, женщина что-то прошептала, и мужчина отложил на стоящую перед ним коробку кусок кварца, над которым работал. Камень в перстне торговца вспыхнул. Метал поцарапан и стерт: значит, он давно торгует.

Я села рядом с нерастопленным камином, чтобы отлично видеть мужчину. Все знали, что мелкие торговцы драгоценными камнями иногда подменяли камни, пока чистили и ограняли добытое. Так что это один из способов, как поддельные камни попадали в торговлю.

Мужчина быстро прибрался на столе и рассмотрел нас.

– Вы пришли из Узкого пролива?

У противоположной стены звякнула крышка на чайнике.

– Да, – недоверчиво ответил Клов.

– Давайте вы нас оставите без своих бед, – проворчал он.

– Каких бед? – спросила я. Клов метнул на меня взгляд, будто пытаюсь заставить меня замолчать.

– Те случаи с поджогом кораблей, – ответил мужчина. – Вчера только об этом и говорили в торговом доме.

Взгляд Клова снова обратился ко мне.

– Какой-то торговец из Узкого пролива плывет от порта к порту и поджигает корабли. Он ищет судно под название «Луна».

Я оторопела, сердце выпрыгнуло из груди.

Сейнт. Или Уэст. Должно быть.

Но если Уэст с экипажем «Мэриголд» решатся на такую наглость, то Торговый совет их точно покарает. Поэтому искать бы они стали меня втихомолку. Но поджигать корабли в каждом порту Узкого пролива... на такое способен мой отец.

Я прерывисто выдохнула. Робкая улыбка растянулась на дрожащих губах, и я отвернулась к окну, чтобы смахнуть с уголка глаза слезу, пока Клов не заметил. Он не удивится. Он знает моего отца лучше, чем я.

Я даже не надеялась на это, но в глубине души знала, что он придет за мной.

Мужчина за столом открыл ящик, его глаза широко раскрылись, и он взял первый камень – кусок черного турмалина. Мужчина, не теряя времени, опустил окуляр и принялся работать острым зубилом.

Клов откинулся в кресле у выложенного камнем камина и закинул одну ногу на колено.

– Расскажешь, что случилось вчера на погружении?

Не открывая взгляда от торговца, я понизила голос:

– Расскажешь, что такого сделал Сейнт, что ты присоединился к Золе? – я почувствовала на себе пристальный взгляд Клова. – Так же было, да? Сейнт каким-то образом предал тебя, и ты решил отомстить. Никто не знает о делах Сейнта, как ты, и никто не знает о дочери, которую он породил. Так что ты настоящий трофей для Золы.

Женщина вернулась в гостиную с подносом в руках и с лязгом установила его на низкий столик. Сперва она наполнила чашку Клова, а затем мою. Я уставилась в чай, рассматривая, как на поверхности напитка рябит свет.

– Хотите что-нибудь еще?

Клов отпустил ее махом руки, и женщина, сняв с крюка передник, ушла в мастерскую. Она села по другую сторону стола и взяла из груды следующий камень.

– Я виделась с Сейнтом. В Серосе, – проговорила я. – Он сказал, что ты не с нами.

Клов поднес чашку к губам и, прихлебывая, втянул в себя чай.

– Я подумала, что ты умер. – Слова повисли в тишине.

– Ну, я живой.

Я взяла чашку и дотронулась подушечкой пальца до лозы цветов, нарисованных от руки по ободку.

– Только и думаю, – продолжила я, поднеся чашку к губам и встретившись с ним взглядом сквозь клубы пара в воздухе, – что лучше бы не был.

Десять

Когда мы вернулись на корабль, палубу «Луны» мыли в свете фонаря.

Клов заставил меня дважды проверить самоцветы, прежде чем мы ушли от торговца, отчего задержались мы там до темноты. За такой короткий срок они отлично выполнили свою работу, поэтому я сделала вид, что не заметила некоторые плохо заточенные грани. Камни есть камни. Мне все равно, как они выглядят, если достаточно весят.

– Отдать швартовы! – выкрикнул Зола, и команда моментально зашевелилась, отвязывая корабль от пристани, за которой сверкали огни Поймы Сегсей.

Три человека слаженно взобрались на мачты и при помощи снастей опустили паруса, которые от ветра успели выгнуться, как идеальные белые своды на фоне черного неба, прежде чем корабль отплыл от пристани. Паруса на «Мэриголд» казались ничтожно малы по сравнению с «Луной», и только подумав о ней, я моментально выбросила из мыслей образ корабля, не обращая внимания на терзающее меня чувство.

Когда корабль покинул залив, Зола пробормотал что-то рулевому, Клов отпустил штурвал и прошел за ним в каюту. Дверь в каюту закрылась, и я обратила взгляд на нити звезд, простирающиеся по небу от горизонта. Мы держали курс на север, а не на юг.

В раздумьях я наблюдала за мелькающими под дверью каюты рулевого тенями. Так далеко от Узкого пролива я никогда не была. Из-за рассказов мамы в моем представлении Безымянное море окрашено в яркие цвета, но, как и в Узком проливе, тут полно беспощадных торговцев, хитрых купцов и влиятельных гильдий. Скорее всего, Зола прикончат, как только он выполнит задуманное. А я хочу быть подальше от «Луны», когда назовут цену за все его грехи.

Я поднялась на квартердек и выглянула за корму. Корабль нежно рассекал морскую гладь, превращая темную воду в белую пену. Укладывая линии, Калла поглядывала на меня. Закончив, она спустилась на главную палубу; я обернулась и перебросила одну ногу за борт.

У окна каюты рулевого вздымалась и широкими волнами прилегала к корпусу корабля витиеватая резьба. Я наступила на нее носками ботинок и спустилась по корме: в темноте между планками на закрытом ставнями окне проскальзывал свет из каюты Золы.

Потянувшись, я нащупала край окна и прислонилась к кораблю, держась за деревянный корпус. В окне виднелась освещенная свечами комната, я прищурилась, присматриваясь к зеркалу, висевшему рядом с дверью. В его отражении виднелся Клов: он стоял в углу комнаты рядом с маленьким деревянным столиком, сжимая в большой руке зеленый стакан виски.

Зола сел перед ним за стол и стал внимательно рассматривать казначейские книги.

– Этого достаточно.

– Откуда ты знаешь? – спросил Клов охрипшим голосом, отчего его едва было слышно от шума бурлящей внизу воды.

– Потому что этого должно хватить.

Клов молча кивнул в ответ и поднес стакан к губам. Свет мерцал на стакане, как на лампе, украшенной самоцветами.

Зола взял бутылку виски.

– Что еще?

Вдруг я осознала, что Клов нерешительно задумался, уткнувшись взглядом в угол каюты, но все-таки заговорил:

– По деревне ходят слухи.

– Да? – удивился Зола, но я разглядела его лицо в зеркале, и оно светилось лукавством.

– Вчера сказали, что кто-то плавает по портам Узкого пролива, – Клов замешкался, – и поджигает корабли.

Зола побледнел, и я не понимала почему. Он должен знать, что небезопасно оставлять свой флот в Узком проливе. Видимо, то, что привело Золу в Безымянное море, стоило того. Его рука слегка дрогнула – из стакана пролилась

пара капель виски, но Зола даже не поднял глаза.

– Полагаю, твои корабли, – добавил Клов.

Мои пальцы сильнее сжали оконную раму.

– Сейнт?

– Уэст, – выдохнул Клов.

Мое дыхание сбилось, тело съежилось от окутавшей его вспышки страха. Если Уэст поджигал корабли в Узком проливе, то подвергал опасности «Мэриголд» и ее команду. В отличие от Сейнта такое он не сможет скрыть от Торгового совета.

– Как минимум потеряли шесть кораблей, – продолжил Клов. – Погибло несколько экипажей. Да сейчас уже, наверное, больше.

Я выдохнула боль, от которой заискрились мои глаза. В ту ночь в каюте Зола сказал, что Уэст пролил достаточно крови, чтобы покрасить «Мэриголд» в красный цвет. Я не хотела в это верить, но какая-то частичка меня уже поверила.

– Какая разница. – У Золы плохо получалось скрывать подступающую ярость. – Наше будущее и наше богатство в Бастиане.

– Бастиан, – беззвучно произнесли мои губы.

Мы не плыли на юг – значит этот «улов» не предназначен для Узкого пролива. «Луна» взяла курс на Бастиан.

– Каждый сантиметр корабля должен быть отмыт и отполирован до того, как мы причалим, понятно? Пусть каждая пара рук трудится с восходом солнца и до момента, пока я не увижу сушу на горизонте. Не собираюсь пришвартовываться в Бастиане, выглядя как оборванец из Уотерсайда, – проворчал Зола и, выпив залпом виски, снова наполнил стакан.

Клов опустил взгляд на свой стакан, разбалтывая в нем остатки янтарного спирта.

– Как только пришвартуемся, она поймет. Она знает обо всем, что происходит в гавани.

– Хорошо, – ухмыльнулся Зола. – Значит, будет ждать нас.

В замешательстве я всматривалась в лицо Золы. Но пазлы медленно складывались вместе, мысли, кружащиеся в бешеном ритме, останавливались.

Голландия.

Ему не нужно было добытое для авантюры за пределами Узкого пролива. Зола платил долг. Годами он не мог плавать в этих водах из-за риска, что люди Голландии перережут его глотку. Теперь же он нашел выход, чтобы наладить отношения с Голландией, но как? Триста каратов самоцветов – всего лишь мелочь для самого влиятельного торговца самоцветами в Безымянном море.

Зола не солгал: дело не имеет отношения ни ко мне, ни к Уэсту. Даже Сейнт ни при чем.

Мои пальцы соскользнули с влажной рамы, и я ухватилась за ставни, прильнув к корпусу корабля.

Когда я подняла взгляд, глаза Клова смотрели прямо на окно, и, скрытая в темноте, я задержала дыхание. Он прищурился, приковав взгляд к моим глазам. Клов мгновенно зашагал по каюте к окну, я откачнулась назад и прижалась к резьбе у окна. Ставни распахнулись, ударившись о деревянный корпус, и на подоконник легла его ладонь – лунный свет отражался на золотом кольце на его пальце. Я старалась не шевелиться, несмотря на пульсирующую боль в ноге, поскольку для равновесия я уперлась пяткой о выступ.

Вскоре ставни захлопнулись.

Клов не заметил меня. Не мог заметить. Но мое сердцебиение сбилось, кровь быстрее побежала по жилам.

Подтянувшись, я перебралась на борт и завалилась на четвердек. Побежала к ступеням, перемахнула через них и приземлилась на палубу на обе ноги – швы на бедре болезненно натянулись. Мужчина у штурвала смотрел на меня с широко распахнутыми глазами, когда я проскользнула в темный проход.

Дверь в каюту рулевого уже открывалась, отчего я обошла стороной освещенный светом из каюты пол, и спустилась вниз. Над головой прогремели шаги, я побежала в трюм и, петляя между гамаками, нашла третий ряд. Райленд спал. Я нырнула в гамак под ним, даже не сняв ботинки, улеглась на стеганный материал и, дрожа, подтянула к груди колени.

В тусклом коридоре появились тени, в ожидании я нащупала нож за поясом. Зола тщательно позаботился, чтобы никто не узнал о его делах в Безымянном море, а если решил, что я его раскусила, то ни за что не даст мне вернуться в Узкий пролив. Уж точно с корабля я не сойду живой.

Я уставилась в темноту, сжимая у груди нож. Под переборкой появилась чья-то фигура. Когда луч света проскользнул над светлыми волосами, я подавила подступающий крик.

Клов. Он заметил меня.

Его тень медленно перемещалась между гамаками, подбираясь ко мне тихими шагами. Клов заглядывал в каждый гамак, прежде чем пройти дальше, и как только он подошел к следующему ряду, я зажала рот ладонью, пытаюсь не шевелиться. Если я быстро вскачу, то смогу нанести удар первой. Воткну клинок в его живот до того, как он успеет добраться до меня. Но от одной этой мысли у меня скрутило живот, и из уголка глаза скатилась слеза.

Он мерзавец и предатель. Но все равно Клов.

Я подавила крик, когда Клов остановился рядом с моим гамаком. Шаг, и его ноги оказались рядом со мной, а сам Клов заглядывал в гамак Райленда. Он замер, я подняла нож, подбирая удачное положение. Если воткну его под ребрами, то задену легкое, тогда он точно не побежит за мной. Надеюсь.

В ожидании, что он нагнется, я подняла трясущийся в руке клинок, но Клов не двигался. Нож поблескивал в полумраке, а Клов потянулся руками к гамаку

Райленда. Я остолбенела, наблюдая за его лицом снизу и пытаюсь не дышать. Но взгляд Клова был пустым, губы расслаблены.

Гамак надо мной встряхнулся, и что-то горячее задело мое лицо. Я вздрогнула и потянулась к лицу, чтобы вытереть щеку, но еще одна капля упала на руку. Поднеся пальцы к лучу света, я оторопела.

Кровь.

Надо мной тихо качался гамак, Клов вложил клинок в ножны, снова потянулся вверх и вытянул Райленда. С ужасом я наблюдала, как Клов закинул его на плечо, а вялые руки мужчины качнулись перед моим лицом.

Он мертв.

Я продолжала лежать, пока шаги удалялись к двери. Клов вышел из трюма, оставив за собой тишину. Как только тени перестали мелькать, я села, уставившись широко раскрытыми глазами на темный проход.

Вокруг слышался только звук глубокого сонного дыхания и скрип качающихся веревок. Вода приглушенно омывала корпус корабля. Вдруг мне это приснилось? Вдруг это проделки духов в темноте? Я оглянулась через плечо, осматривая трюм, и замерла, когда увидела его.

Не отрывая от меня взгляда, в гамаке неподвижно лежал Кой.

Одиннадцать

Я ждала, пока проснутся остальные, прежде чем осмелилась пошевелиться. Всю ночь я пролежала в темноте без сна, прислушиваясь к звукам шагов, доносящимся из прохода. Но всю ночь на корабле стояла тишина, и только с рассветом вышла первая смена матросов.

Я уже не ощущала той усталости, которая сдавливала мою грудь накануне. Почти не чувствовала боли в ноге, хотя кожа вокруг швов сморщилась и

покраснела. Райланд мертв. Наконец чувство облегчения сняло напряжение, прежде охватившее меня. Я не в безопасности на «Луне», но Райленда больше нет, а я не думаю, что именно Кой убьет меня во сне.

Но оставался вопрос: что же произошло прошлой ночью?

Прежде чем подняться по последним ступеням, я инстинктивно осмотрела палубу в поисках Райленда, чтобы убедиться, что все это мне не приснилось. Уик сидел на бизань-мачте и заменял люверс у края паруса, а ветер размахивал его волосы по всему лбу. Но Райленда нигде не было видно.

На носу корабля Клов заносил данные в бортовой журнал, а я наблюдала, как он размеренно и спокойно осматривает страницы. Такой же взгляд был у него и прошлой ночью, когда он поднес нож к Райленду и протащил его тело через весь трюм.

– Проверка команды! – эхом отозвался крик боцмана.

Все на палубе нехотя подчинились и бросили свою работу, прежде чем выстроиться у левого борта. Последними поднялись матросы и ныряльщики из трюма с заспанными лицами. Я встала в конце строя, наблюдая, как боцман поднимал взгляд от журнала, отмечая на ходу имена членов команды.

– Где Райленд? – Он упер руки в бока, окидывая взглядом лицо каждого.

Я встретила взглядом с Коем, стоявшим на противоположном конце палубы. Он даже не вздрогнул.

– Этот мерзавец так и не поднялся на борт вчера! – прорычал Клов за спиной боцмана, не отрывая внимания от журналов.

Мои руки сцепились за спиной, пальцы переплелись. На ум приходила только одна причина, по которой Клов расправился с Райлендом, но она совершенно бессмысленна. Именно он рассказал Золе, кто я такая. Он натравил на меня команду. Так что зачем ему защищать меня?

Подступили слезы, я попыталась проморгаться и вытерла слезинку с уголка глаза, прежде чем она успела упасть. Мне страшно в это поверить.

Я смотрела на Уика, ожидая его возражений: скорее всего, он заметил кровь в гамаке Райленда, когда проснулся этим утром. Но даже если не догадывался, кто мог так поступить, он точно не хотел вставать на его пути. Так что он держал рот на замке.

Боцман сделал еще одну пометку в журнале и отпустил команду. Спустя пару минут все на «Луне» вернулись к работе.

Когда я подошла к штурвалу и приблизилась к Клову, он даже не взглянул на меня, а только сильнее сгорбился. Я взглянула на его лицо, рассматривая морщины, обрамляющие его глубоко посаженные глаза. Клов бросил мимолетный взгляд мимо меня на палубу. Он удостоверился, что за нами никто не наблюдает, а другого ответа мне и не нужно.

Он потянулся к крюку на мачте и склонился надо мной.

– Не здесь, – проговорил низкий голос, отчего я с трудом сглотнула.

Если Клов присматривал за мной, то он не предал Сейнта. Он не предал меня. А это означало только одно: не только Зола что-то задумал.

Мой отец тоже.

– Ныряльщица! – прокричал сквозь ветер боцман, приложив руки ко рту. – Шкипер хочет тебя видеть! Сейчас же!

Я попыталась встретиться глазами с Кловом, но он захлопнул журнал и, пройдя вдоль палубы, вошел в открытые двери каюты рулевого. Я остановилась в проходе, наблюдая за Золой. Он стоял у окна, заведя руки за спину.

Клов сел в торце стола и, закинув ногу на ногу, откинулся на спинку стула рядом со стоящим тазом с мыльной водой.

Зола взглянул на меня, обернувшись через плечо, когда я не двинулась с места.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Бухта троса – трос, уложенный кольцами.

2

Переборка – вертикальная стенка внутри корпуса судна, разделяющая внутренне пространство на отсеки.

3

Оттяжка – снасть, которая удерживает паруса.

Купить: https://tellnovel.com/yang_edrienn/bezymyannaya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)